

Архимандрит Афанасий (Нечаев): Проповедь на Преображение

Проповедь

Из проповедей в Трехсвятительском подворье в Париже (30-е годы)

О своем первом духовнике Афанасии (Нечаеве) митрополит Сурожский Антоний в одной из своих бесед говорил: « Это единственный человек, которого я встретил за всю свою жизнь, о котором я мог бы сказать, что он был свободен той ни с чем не сравнимой царственной свободой, о которой Христос говорит в Евангелии, о которой речь идет у апостолов, которые говорили, что дух Христов это дух свободы, которые говорили: познайте истину—она сделает вас свободными; свободными не в каком-то внешнем отношении, общественно, политически; это свобода другая, свобода внутренняя, которая ничем не может быть у человека отнята... Это та свобода, о которой говорили с самого раннего начала христианской жизни апостолы в своих устах, Павел, который из римской тюрьмы говорил, что слово Божие не вяжется—т. е. ничем не может быть связано; та свобода, о которой Христос сказал, что Он принес освобождение пленным, тем, которые в плену у самих себя, в плену у страха, в плену у страстей, в плену у предрассудков, в плену у воображаемого добра, или у реального зла. Вот эту свободу мне удалось видеть один раз в своей жизни, выраженной в целой жизни человека... » (См. Митрополит Сурожский Антоний «Проповеди и беседы» М., 1991, с. 59-60.)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь. Невидимый, непостижимый Бог, благоволивший соделаться человеком, не мог открыть Свое Божество сразу всем людям. Сначала их надо было приготовить к сему, очищая их и просвещая словом Божиим. И для сего избрал Господь преимущественно своих ближайших учеников. Но и они не все были одинаково способны к этому. И только трое из них, Петр, Иаков и Иоанн, были удостоены непосредственного лицезрения славы Божией на Фаворе. Ибо кто приближается к Богу не очистившись, тот попаляется божественным огнем, подобно Дафану и Авирону в древности. Дьявол в пустыне и искушал Христа показать всем людям непосредственно Свою божественную славу: свергнись вниз с крыши храма, чтобы ангелы, явившись, поддержали Тебя, и все люди увидели бы это и признали бы Тебя за Сына Божия. На это Христос отвечал: «Не искушай Господа Бога твоего», т.е. не посягай на Его Божество. Но вот ныне настало время, когда Господь благоволил явить славу Свою ученикам, «якоже можаху». А сие было невозможно иначе, как приобщив и самих учеников к славе сей. И действительно, трое учеников на Фаворе испытали необыкновенное состояние вдохновения и радости неизреченной. И увидели они славу Божию, подобно тому, как и Моисей на горе Синай. И как тогда Моисей просиял от славы Божией, так что он носил покрывало на лице, так и на Фаворе ученики просияли славой Божией, чтобы увериться им в Божестве Господа своего Иисуса. Однако в момент страданий Его эта уверенность могла в них поколебаться. Слишком несообразны по понятию человеческому слава и страдания. И вот, чтобы еще более укрепить их веру в свою силу, Христос вызывает из ада Моисея и с неба Илию. И беседует с ними вслух учеников о Своем исходе, т. е. о страданиях, ожидающих Его. Эти два высших авторитета, Моисей и Илия, должны были подтвердить Его славу, раз ему подчинены и сфера смерти и ад и небесные обитатели. Но и этого мало; свидетелем Божественного происхождения Иисуса является Сам Отец, издающий из облака Свой глас: «Сей Сын Мой возлюбленный, Его послушайте». Выше этого откровения уже не могло быть. И ученики были глубоко потрясены всем виденным и слышанным, как о сем свидетельствует Петр, не зная уже что и говорить, видя все это дивное и славное, только желая одного—не расставаться с таким блаженным состоянием, почему и просит построить три палатки для трех

собеседников—Иисуса, Моисея и Илии. Что произошло потом? Когда настали страдания Христовы, и эти избраннейшие ученики впали в искушение, разве кроме только одного Иоанна, который с Божией Матерью один из всех учеников был у креста. Но если только и один, то и тогда слава Преображения не напрасно была явлена ученикам, а Иоанн был удостоен того, что ему была поручена Божия Мать, и в лице его Ей был усыновлен весь род человеческий. Что же отсюда нам надо вывести? То, что и все мы призываемся приобщиться славы Христовой, преобразиться вместе с Ним, как преобразились, просияли тогда ученики. Фаворский свет доступен каждому христианину. Но вот мы видим, как мало мы к этому стремимся. Как тогда ученики с большим трудом распознавали в Нем Божественную славу, так и мы, по маловерию и косности своей, удаляем себя от лицезрения и восприятия Его Божественной силы. Ныне праздник Преображения как бы призывает нас войти к Нему на гору Фаворскую и насладиться общением с Ним и со святыми, уже просиявшими фаворским светом, как Моисей и Илия. Огненная колесница, на которой восхищен был Илия от земли на небо, был тоже Божественный свет, подобный фаворскому, почему Илия и мог явиться ко Христу на Фаворе, как и Моисей, просиявший все тем же светом. И после Фавора Моисей снова сошел во ад на лоно Авраамово, где находились все умершие до пришествия Христова и там он поведал о пришествии Бога на землю и о предстоящих Ему страданиях, смерти и сошествии во ад. Эта весть в аду принята была, конечно, с неопишущим ликованием. Там страшнее жизнь и напряженнее ожидание освобождения. Поэтому в аду люди приготовлены были лучше ко встрече Христа, чем на земле—к рождению Его, когда как мы знаем, кроме волхвов и пастухов никто не явился для поклонения Ему, хотя весь Иерусалим узнал от волхвов о Его рождении. Возжаждем же и мы воспринять Божественную славу от Христа, дабы не надо было побуждать нас к тому созданием на земле адских условий жизни, как ныне скорбями и войнами возбуждает нас Господь ко спасению. Дерзнем поверить, что путь в Царство Небесное для всех нас один—через приобщение к славе Христовой. И средство к этому одно—очищение от грехов и напряженное искание сей славы. Сегодня время благоприятное для спасения. Сегодня гора Фавор открыта для каждого—взойдем же, пока не поздно: наступит момент, когда тот же Божественный огонь будет уже не обожать нас, а палить нестерпимой мукой, огнем геенским. Придет день, когда потечет огненная река и сожжет на своем пути все плевелы людские. Выбирай сегодня каждый—огонь любви Божией или огонь пополающего гнева Его. Среднего нет. Господь приглашает тебя сегодня устами апостола Петра построить три палатки на Фаворе. Но тогда Петр не знал—для кого. Для себя он не осмеливался мечтать. Но ты знай, что одна палатка готова на Фаворе и для тебя, а другая для Христа, а третья—для ближнего твоего. Не забудь прежде примириться с ним и взять его с собою. Зажги сегодня фаворский свет в душе своей и не гаси его неверием, небрежением и грехами. Это путеводная звезда твоя, вифлеемская, которая наверное приведет тебя в Царствие Небесное

Протопресвитер Виталий Боровой: Проповеди на пассиях в Богоявленском патриаршем соборе

Проповедь

(Москва, 1977 год)

Первые две пассии в N 21Третья пассия в N 22

ЧЕТВЕРТАЯ ПАССИЯ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Дорогие братья и сестры! Сегодня мы совершили четвертую, последнюю пессию в этом году—богослужение, посвященное воспоминанию страстей, страданий Господа нашего Иисуса Христа. Во время предшествующих пессий мы с вами старались понять, каким образом наше с вами участие в страданиях и в Кресте Господа нашего Иисуса Христа, участие каждого верующего христианина отдельно и участие в страданиях и крестном пути Его всей Церкви Божией приводит к торжеству Церкви Божией, дает ей право, основание, несмотря на всю ее уничиженность, несмотря на всю ее историческую слабость, торжествуяще утверждать, что она, эта Церковь, и мы, ее верующие члены, ее чада, исповедуем веру апостольскую, веру отеческую, веру православную, веру, которая утвердила и утверждает вселенную. В предшествующий раз мы с вами старались понять, что это означает, когда мы утверждаем, что вера наша, с участием в страданиях Господа Иисуса Христа,—апостольская, что вера наша, с участием в страданиях Господа Иисуса Христа,—отеческая, что вера наша—православная. Сегодня мы с вами постараемся понять, что утверждаем мы себе, истории и всему миру, всему человечеству, говоря, что вера наша, в ее участии в страданиях Господа нашего Иисуса Христа, утвердила вселенную, вера наша утверждает вселенную, вселенная на ней держится, в ней укрепляется. Дорогие братья и сестры! Конечно, люди неверующие могут нам ответить: это ваше дело, возможно, вера ваша—апостольская, возможно, вера ваша—отеческая, возможно, вера ваша—православная, но это ваше дело. Однако, когда мы утверждаем, что «вера наша вселенную утверди», то мы утверждаем нечто такое, что касается всех людей, всего мира, истории всей вселенной, верующих и неверующих, христиан и не христиан, всех, кто жил от начала, от сотворения мира, от начала бытия, и тех, кто будет жить до конца существования мира. Мы провозглашаем, что вера наша утвердила и утверждает вселенную, вселенское бытие всего мира. Это касается всех, и поэтому, естественно, нам могут возразить: какое вы имеете право так говорить, вы, которые исторически слабы, ничтожны, не имеющие никакой власти, никакого влияния, вы, незначительное меньшинство, которое уже не определяет сейчас ход мировой истории? Какое вы имеете право провозглашать, что ваша вера утвердила вселенную, что вселенная на ней зиждется? Дорогие братья и сестры, это закономерный вопрос и закономерное сомнение, и закономерная трагедия и для нас с вами, православных христиан. Но вместе с тем, зная все это, отдавая себе отчет в этом, мы все-таки дерзаем, мы все-таки имеем мужество, мы все-таки имеем право и историческое, и моральное, объективное право утверждать, что все это действительно так, вера наша «вселенную утверди». Когда в IX веке в Константинополе, столице Византийской империи, после победы Церкви над иконоборческой ересью, иконоборческим движением в первый раз совершался чин Торжества православия, и впервые была провозглашена эта торжественная, торжествующая, победная формула «Сия вера наша—вера апостольская, вера отеческая, вера православная, сия вера вселенную утверди», тогда, с точки зрения человеческой, с точки зрения исторической, с точки зрения как раз этих вопросов к нам и возражений, с этих позиций христиане имели право провозглашать, что вера наша утвердила вселенную. Почему? Потому что тогда утверждали что-то другое, по сравнению с тем, что мы с вами утверждаем сейчас. Тогда слово «вселенная», по-гречески «экумени», означало не то, что мы понимаем сейчас—вселенная—как совокупность всего миробытия, всего космоса, всей истории того, что существует, существовало и будет существовать как вселенная. Тогда под словом вселенная, «экумени», понималась Византийская империя, то государство, где это происходило. Греки, византийцы, были в то время твердо убеждены, что они являются единственным культурным народом, единственной цивилизованной нацией, что их государство, Ромейская империя, как они его называли (мы же говорим—Византийская империя), является единственной настоящей империей, единственным настоящим, подлинным государством, единственным правильным человеческим обществом, организацией социальной, политической, экономической, культурной, и поэтому их государство заслуживает название «вселенная». Все же, что вне пределов ее—это общество варваров, дикого, необразованного народа. И поэтому тогда, в IX веке, когда они утверждали,

что эта вера апостольская, отеческая, православная, что она утвердила вселенную, они тем самым утверждали только то, что эта вера, апостольская, отеческая, православная, утверждает лишь Византийскую империю, лишь это государство, эту нацию, этот народ, эту культуру. Исторически это так. В IV веке для христианства закончилась эпоха преследований, эпоха его нелегального существования, эпоха гонений на религию. Христианство восторжествовало над язычеством. Христианская религия своей проповедью покорила тогдашний греко-римский мир. Вся жизнь Римской, а позднее Византийской империи, жизнь государства, жизнь общества—политическая, административная, военная, социальная, экономическая, культурная—была действительно проникнута, пронизана элементами христианства, элементами православной веры, православного миропонимания, мироощущения, православного образа жизни. Общество и церковь срастались в один живой организм, который жил, вдохновлялся, питался именно этой отеческой, апостольской верой. И провозглашать, что эта вера утвердила и утверждает вселенную, то есть их государство, их общество, они имели полное историческое право. Это был удивительный опыт, первый исторический опыт как бы воцерковленного государства, воцерковленного христианизированного общества, общества, целиком и полностью построенного или, по крайней мере, желающего быть построенным, по крайней мере, объявленного как построенного на христианских началах. В этом обществе, в этом государстве все было церковно, все считалось священным, не только то, что в церкви, не только то, что касалось веры или религии, а вся жизнь государства вместе с его структурами, казалось бы, очень далекими от церковной и религиозной жизни,—все считалось священным, единым, христианизированным, приведенным в симфоническое, согласованное единство. Это был своего рода божественный организм. Но, дорогие братья и сестры, этот опыт, эта первая попытка построения настоящего христианского общества по существу не удалась. Основания, стремления, принципы были правильными. Действительно, Господь наш Иисус Христос пришел на землю, чтобы освятить, преобразить Своим учением все стороны человеческой жизни—и личной, и семейной, и общественной, и государственной, и международной, все стороны жизни человеческого общества, все человеческие общественные структуры, преобразить, освятить, христианизировать и вознести их как достойные элементы будущего Царствия Божия. Но в Византийской империи в то время это желание построить уже здесь, на земле Царство Божие не соответствовало реальности, и тогда произошла историческая трагедия, последствия которой мы с вами несем до сих пор. Случилось так, что желание освятить все, христианизировать все, привести все ко Христу—и злое, и греховное, и социально искаженные стороны человеческой жизни, личной, семейной, общественной и всякой другой, привело к тому, что было объявлено святым то, что только называлось святым, что только называлось священным, что только называлось элементами Царствия Божия, но в действительности было неосвященным, непреображенным, несвятым, было человеческим, греховным, было подвержено человеческой естественной немощи, недостаткам, было социально несправедливым. И вот тогда живые души мыслящих христиан, болеющие души христиан, пережили настоящую трагедию, когда стало очевидным, что эта империя, эта экумена, эта вселенная, этот как бы священный организм объявлен священным, не будучи в сущности священным, не будучи еще по-настоящему преображенным, освященным. И тогда возникло психологическое раздвоение, такой психологический дуализм, антиномия между миром и Церковью, произошел разрыв. В Церкви благочестивые люди, люди святой жизни как бы отчаялись преобразовать мир, как бы отчаялись спасти этот мир, как бы потеряли веру в то, что им возможно сделать этот мир по-настоящему святым. И тогда они духовно как бы ушли из этого мира. Тогда возобладала такая теория, такое учение, такое убеждение, что Церковь и мир противоположны, Церковь и мир враждебны, что мир—это греховный мир, а Церковь—избранное общество святых, в котором спасаются только немногие, только избранные, а весь остальной греховный мир лежит во зле, погибает как неосвященный, как неискупленный, как неспасенный. У христиан создалась такая двойственность, которую и мы с вами сейчас переживаем. Христиане стали жить двойной жизнью. Одна жизнь—это Церковь,

участие в богослужениях, праздниках, причастие Тела и Крови Господних, покаяние, исповедь, говение, пост, утренние и вечерние молитвы, интимно-религиозная жизнь, церковно-благочестивая жизнь. Другая жизнь христиан—в миру. Выйдет человек из Церкви—и идет в неосвященный мир, и там живет, работает, участвует в творчестве, в созидании, в организации нового общества, участвует во всем, что творит этот мир, участвует в неосвященной, нехристианизированной, чуждой христианству и Церкви среде. И так он живет шесть дней, а на седьмой день он снова идет в храм, чтобы пожить церковной жизнью. Утром встанет—помолится, вечером ложится спать—тоже помолится, а все остальное время, шесть дней в неделю, он не живет церковной жизнью, христианской жизнью, он живет жизнью, которая не освящена и не освящается для Христа. Вот этот дуализм, этот разрыв между миром и Церковью стал исторической трагедией христианства, стал результатом вот этого первого неудавшегося византийского православного опыта, этой попытки иметь святое общество, освященную организованную человеческую структуру, попытки пронизать христианством всю жизнь общества. И тогда, дорогие братья и сестры, этому фактическому разрыву, этому создавшемуся в результате раздвоения историческому положению стали искать теоретическое обоснование, оправдание. С одной стороны, верующие христиане говорили, что Церковь не от мира, мир грешен, мир погибает, а мы спасаемся. С другой стороны, неверующие, нецерковные люди считали, что мир, общество, человечество идут своей дорогой, что христиане могут участвовать в их жизни, а если они хотят еще иметь церковную жизнь, то пусть идут в свои храмы и там ее имеют—это их дело, но эта их жизнь никоим образом не отразится на жизни общества, на жизни всего человечества. И верующие христиане, к сожалению, свыклись с этим, привыкли к этому, приняли это как что-то должное. Таким образом возникло ложное, неправильное толкование Священного писания, ибо действительно в Священном писании много говорится о том, что христиане не от мира, что Церковь не от мира, что между Господом и миром вражда, что мир во зле лежит. Это правда. Но, дорогие братья и сестры, эта правда—не так понятая, неправильно понятая. Если вы внимательно исследуете Священное писание, то увидите, что Господь Иисус Христос, а также апостолы Павел, Иоанн Богослов, Иаков и Петр действительно говорят, что мир как бы противится Господу Иисусу, противостоит Богу, а мы, избранные христиане, избранные от мира,—не от мира сего, что Царство Господа не от мира сего, что мир лежит во зле. «Не любите мира, ни того, что в мире»,—пишет Иоанн Богослов (1 Ин 2:15), а апостол Иаков говорит, что дружба с миром—это вражда с Богом (Иак 4:4). Однако, все это надо понимать правильно. Дело в том, что здесь речь идет о мире неисккупленном, мире падшем, мире, отошедшем от Бога, мире после грехопадения, мире, который соединил себя со злом и дал возможность развить в своей истории зло,—это верно. И вот в этот мир, лежащий во зле, мир, требующий искупления и спасения, мир, который подвержен злу, но и подвержен власти Бога, в этот мир пришел Господь наш Иисус Христос, пришел, чтобы его спасти, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3:16). И Сам Господь говорит, что Он «пришел не судить мир, но спасти мир» (Ин 12:47), ибо в многочисленных местах Он называется Спасителем мира. Он пришел, чтобы этот злой, грешный, падший, несовершенный, подверженный власти злого мир спасти Пречистой Своей Кровью, Своей крестной смертью. Он искупил этот мир, Он примирил его с Богом, Он возвестил этому миру спасение, всему миру, всем людям, и дальше от людей зависит—принять это спасение, усвоить его, воплотить это спасение в своей собственной жизни или отвергнуть. И таким образом, дорогие братья и сестры, когда Господь наш Иисус Христос и Его апостолы говорят, что мы не от мира сего, что Церковь не от мира сего, что мир во зле лежит, имеется в виду греховный, неисккупленный, противящийся Богу мир. Но мир, который Господь привел в примирение с Богом, тот мир в Священном писании уже не называется «миром», тот мир, который искуплен Кровью Его, который идет ко спасению, называется уже Царством Божиим. И мы каждую службу начинаем словами: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа», мы всегда говорим: «Помяни нас во Царствии Своем», ибо Господь пришел на землю,

чтобы спасти греховный мир и основать Царство Свое. Таким образом, когда в Священном писании говорится: «Не любите мира», или—"Вы не от мира", это означает только—не любите греха, не любите злого, не любите пороков, не любите похотей, не любите всего того, что является злом, вы не от этого, вы призваны к борьбе с этим, вы призваны быть проповедниками, строителями Царствия Божия, нового мира, нового неба и новой земли, где живет правда. Дорогие братья и сестры, на христиан и, конечно, на всех людей Господом возложена самая высокая, самая почетная, самая священная миссия—преобразовать мир, который пал в грехе, преобразовать его в священный, в святой мир, который станет элементом Царствия Божия. Вот то, что стремились сделать византийцы, то, что хотели сделать на православном Востоке, что пытались сделать и что им не удалось. Это и наша с вами постоянная, вечная задача—не уходить из мира, а уходить от зла, не ненавидеть мир, а ненавидеть пороки и быть преобразователями, стараться своей жизнью содействовать освящению мира, созидать, сеять в этом мире семена Царствия Божия. Дорогие братья и сестры! Вот теперь мы подходим к вопросу, имеем ли мы право говорить о вере нашей: «Вселенную утверди»? Да, имеем право. Потому что без преображения мира так, как возвестил нам Господь наш Иисус Христос, мир никогда не будет справедливым, мир никогда не будет свободным, мир никогда не построит настоящее человеческое общество, ибо для этого нужна любовь, нужна истина, нужна справедливость, нужна правда, а любовь, истина, справедливость и правда—это есть Божия свобода, Божия истина, Божия справедливость, Божия правда. Таким образом, мы, вера наша—самый необходимейший элемент для действительного в истории созидания настоящей Вселенной, вот этого нового неба и новой земли, где должна жить правда. Без христиан, без Церкви Божией, а значит—без Бога, без благого учения Господа Иисуса Христа это не может быть достигнуто. Не мы с вами как люди что-нибудь значим, а то сокровище, которым мы владеем,—Церковь Божия, спасительное учение Господа Иисуса Христа, то искупление, которое Он принес в мир, то примирение, то спасение, та торжествующая конечная победа над злом. То, что мы имеем, то, что мы возвещаем,—это необходимо, это ценно для Вселенной независимо от того, верует эта Вселенная или не верует, знает она Господа Иисуса Христа или отвергает Его. Поэтому мы действительно имеем право утверждать, несмотря на всю нашу слабость, несмотря на все наше бессилие, что Истина Божия сильнее всех, и мы—возвестители, мы—хранители, мы—приверженцы этой Истины. Вера наша действительно нужна Вселенной, вера наша действительно может и должна быть и будет в основании любого справедливого, любого настоящего человеческого общества, любой новой земли, нового неба, справедливой, спасенной Вселенной. Дорогие братья и сестры! Пророки Божии, святые люди, великие мыслители христианства, философы, богословы, величайшие умы христианства пророчествовали, предрекали, живописали вот это будущее, вот это освященное, святое человеческое общество, общество, где будет правда жить, где будет «дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благодати» (Ис 11: 2), и страха Господня, где будет суд по правде и решение по истине. Я цитирую пророка Исаяю. «И поразит Господь жезлом Своим, и духом уст Своих убьет нечестивого. И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедер Его—истина» (Ис 11: 4, 5). И дальше идет чудесная, идилическая картина, живописание того, к чему зовет Церковь, к чему ведет учение Господа, картина того, как воцарится на земле Царствие Божие, где не будет войн, не будет зла, не будет вражды, не будет ненависти, где будет любовь, мир и совершенство. Пророк говорит: «Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море. И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники,—и покой его будет слава» (Ис 11: 6–10). Вот, дорогие братья и сестры, такими словами пророк показывает это будущее Царство Божие, которое мы с вами

призваны построить, которое Бог построит, а мы призваны быть соработниками, сотрудниками Христа в этом великом строительстве. Дело не в том, что изменятся естественные соотношения, как пишет пророк. Он применяет только изобразительные средства, описывая, какая будет правда, каким будет Царство Божие на земле. И далее пророк говорит: «Утешайте, утешайте народ Мой» (Ис 40:1). «Встань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою» (Ис 60:1) в этом Царствии грядущем Божиим. «И уничтожит на горе сей покрывало, покрывающее все народы, покрывало, лежащее на всех племенах. Поглочена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц, и снимет поношение с народа Своего по всей земле; ибо так говорит Господь. И скажут в тот день: вот Он, Бог наш! На Него мы уповали, и Он спас нас! Сей есть Господь; на Него уповали мы; возрадуемся и возвеселимся во спасении Его!» (Ис25: 7-9). И «оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе» (Ис26:19). «Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце» (Ис65:17). Дорогие братья и сестры! Вот, имея перед собою такой идеал, идеал, который не является просто идеалом, а идеал, который является священным наказом, целью спасительного дела Господа Иисуса Христа, мы можем смело провозглашать, что вера наша, вот эти идеалы наши, уверенность эта действительно утвердила и утверждает вселенную, ибо настоящая Вселенная должна быть основана на этих элементах правды, счастья, добра и любви. И поэтому я, как всегда, хочу закончить словами: несмотря на нашу слабость, мы имеем право сказать вместе с апостолом Павлом, что во все времена, во все века церковной истории, у всех народов «мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор 4: 8-10). «Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор 6: 9-10). «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» (Рим 8: 35). «Все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» (Рим 8: 37). И мы живем, дорогие братья и сестры, в твердой уверенности, что вера наша не только апостольская, не только отеческая, не только православная, но вера наша—действительно основание всей вселенной, вера наша «Вселенную утверди». И будем знать твердо и уверенно, что Господь Бог, Который сказал: «В мире скорбны будете, но дерзайте, Я победил мир» (Ин 16:33), Который через уста своего пророка и апостола говорит нам: «Сия есть победа, победившая мир, вера наша» (Ин 5:4), Господь наш Иисус Христос придет как победитель в Царствие Свое, и тогда исполнится полнота времен, именно основанная на вере нашей как вселенской, и перейдет это Царствие Божие в новое небо и в новую землю, и говорит апостол Иоанн Богослов в видении об этом новом небе, об этой новой земле, об этом Царствии Божиим, к которому мы идем: «И увидел я новое небо и новую землю» (Откр 21: 1), «И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны» (Откр 21: 3-5). И вот, Я гряду скоро (Откр 22: 12), и Дух и Невеста говорят: гряди! И слышавшие (Откр 22: 17), мы с вами, слышавшие, да скажем: гряди! Свидетельствующие, мы с вами, свидетельствующие, это говорим: гряди скоро; аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе! Аминь.

Священник Георгий Кочетков: Из

проповедей во Владимирском соборе

Проповедь

(август 1991 года) 26 августа. Отдание Преображения Господня.

Свт. Тихона, еп. Воронежского, Задонского чудотворца. Слово на утрене, после тропарей на «Бог-Господь»

Дорогие братья и сестры! За эту неделю в нашей жизни произошло много событий, и более крупных, и менее крупных. Но все эти события так или иначе распадаются явно как бы на две группы. Одна группа добрая, положительная, другая весьма печальная. Когда Господь действует через людей в этом мире, тогда действительно начинают поляризоваться какие-то жизненные пространства, жизненные события, дела, слова, помышления, процессы, происходящие в обществе, в природе. И действительно, с одной стороны, как говорят, пришла беда—отворяй ворота. Но можно сказать, что когда Бог посылает Свою благодать, Свой Свет, тогда тоже надо открывать двери своего сердца, потому что это мощный поток Божьей силы, Божьей энергии, Божьего света.

Вот мы с вами и отдаем в этом году праздник Преображения Господня, знаменательный во многих отношениях. Ведь в нем мы видим многие последствия всего того, что за это время произошло. Мы знаем, что добро рождает добро, зло рождает зло, и если зло все же прерывается или сокращается, то только силой превосходящей, силой добра, превосходящей силой Божьей.

Сегодня у нас много и памятей святых, в том числе таких больших, как святитель Тихон Воронежский, Задонский чудотворец, учитель христианской жизни, и святой Максим Исповедник, один из глубочайших созерцателей, мистиков и догматистов Православной церкви, человек, который был способен за свою веру, догматическую веру, страдать, а ему приходилось очень много страдать в жизни, человек, который помог разрешиться многим догматическим вопросам на VI Вселенском соборе в 680г. Есть, конечно, и другие святые, которых положено вспоминать сегодня. Но мы с вами будем служить сейчас прежде всего отданию Преображения Господня—это самое главное, а также будем служить и святителю Тихону Задонскому.

Я думаю, придет время, когда мы сможем отдельно проповедовать по житию Максима Исповедника, и после этого также совершать ему службу, положенную по уставу. Может быть, это будет через год, как Бог даст, потому что для того, чтобы почтить достойно его память, надо иметь некоторую подготовку, надо хорошо знать его житие и его писания, что не очень просто современному человеку. Впрочем, многие из вас читали, наверное, творения святого Максима, например, его «Таинствовождение», над переводом которого на русский язык бились многие философы, крупнейшие философы, в том числе и нашего времени, настолько этот текст утончен, настолько он непередаваем—даже в переводе с подлинного, греческого языка, так что если его и переводят, то пишут по объему столько же комментариев к нему. Но все это в будущем, а сегодня мы славим Господа преобразившегося, и сегодня же прославляем учителя истинной христианской жизни святителя Тихона Задонского. Прочтем и прокомментируем его житие.

Св. Тихон Задонский, в миру Тимофей, сын дьячка Савелия Кириллова, родился в 1724 г. в селе Короке Валдайского уезда Новгородской губернии. В младенчестве Тимофей лишился отца и остался на попечении матери. «Как я начал себя помнить,—вспоминал впоследствии святитель Тихон,—в доме при матери нашей было нас четыре брата и две сестры; большой брат дьячку

должность отправлял, средний же брат был взят на военную службу, а мы все еще малы были и в великой жили бедности». Богатый бездетный ямщик полюбил Тимофея и хотел усыновить его. «Ямщику его отдадите—ямщиком он и будет», сказал тогда матери старший сын. «Я лучше с сумою по миру пойду, а брата не отдам... Постараемся обучить его грамоте, тогда он сможет к какой-нибудь церкви определиться в дьячки или пономари».

Вот здесь, братья и сестры, обратите внимание на две вещи, которые сразу бросаются в глаза. В то время христиане могли жить так, что среди них были совсем нищие, совсем бедные. Вспомните, насколько это было противно первохристианским общинам, это было совершенно невозможно для христиан первых веков. Более богатые всегда были готовы поделиться своим добром, только для того, чтобы бедных и нищих, живущих с ними в одной общине, среди них не было, не было ни одного. И люди знали друг друга, и отвечали друг за друга. А вот со временем это, к сожалению, в Церкви исчезло. Даже человек из Церкви не мог научиться грамоте для того, чтобы служить в храме дьячком или пономарем.

И второе, на что нужно обратить внимание: даже для того, чтобы быть дьячком или пономарем, нужно было этому быть наученным. Сейчас часто это не понимают. Начинают думать о церковном служении и, во-первых, сразу думают о большом каком-то служении, не замечая простых, малозаметных, и во-вторых, забывают, что даже для того, чтобы малое служение совершать, быть низшим клириком, говоря на каноническом языке, нужно иметь тоже определенное образование, определенную подготовку, не только общую—быть грамотным человеком, но и специальную. Читаем далее.

«В родительском доме Тимофей жил до 14 лет. В 1737 г. были изданы два указа императрицы Анны Иоанновны, которые предписывали »сделать церковнослужительским детям разбор и лучших отдавать на военную службу».

Ведь в то время, братья и сестры, помните, были сословия, было и духовное сословие, которое, в основном, воспроизводило само себя. Священники были из рода священников, дьяконы—из рода дьяконов и другие священно- и церковнослужители, естественно, кроме епископов, были вот такими потомственными ми. Столетиями люди справляли одну и ту же должность. Далее.

По просьбе старшего брата в 1738 г. Тимофей был зачислен в новгородскую духовную славянскую школу при архиерейском доме. От чтения книг ему приходилось переходить к работе, от копания гряд—к школьным занятиям. Таким образом, еще не будучи подвижником, он уже начал предвкушать жизнь подвижническую.

Посмотрите, братья и сестры, снова на две стороны этого явления. Вы знаете, какие усилия уже в XIX веке, начиная с царствования императора Александра I, прилагались, чтобы изменить это положение. Многим священнослужителям приходилось работать очень тяжело. Священникам приходилось сеять, веять, заниматься сельскохозяйственным трудом. Им совершенно не хватало тех средств, которые мог для них предоставить приход. Это было, с одной стороны, благо—люди были работающие, «от народа», но с другой,—не благо, потому что свои важнейшие обязанности священнослужители в полной мере не могли выполнять. Не случайно сложилась традиция, что священники, допустим, не проповедуют. Одной из причин этого было то, что они не могли получить достаточной подготовки и вообще раскрыться в своем служении. Далее.

В 1740 г. старанием нового епископа Новгородского Амвросия духовная школа была преобразована в духовную семинарию. Тимофей, как один из способнейших к наукам, был переведен во вновь открытую семинарию и принят на казенное содержание. Начальство новгородской семинарии присвоило ему новую фамилию—Соколовский.

Один из исследователей так характеризует годы пребывания Тихона в семинарии. «Во время всеобщего увлечения схоластикой, когда в самой семинарии, воспитавшей святителя, преобладала над всем схоластическая ученость, когда между словом и делом, между мыслью и действительностью не было ничего почти общего, когда о многом и очень хорошо говорили, но очень мало или же совсем ничего не делали, святитель Задонский был человеком совершенно чуждым указанным недостаткам и противоречиям».

Вот видите, это крайнее, дошедшее до предельной крайности, расслоение веры и жизни повредило всему—и вере, и жизни. И жизнь была нехристианской, да и вера была—та, которой учили в семинарии, не очень-то православной. Если вы откроете книги того времени, вы увидите, насколько они сухи, безжизненны, схоластичны. Там были схемы, там были формулы, которые нужно было зубрить наизусть в огромном количестве, но там не было ничего живого, ничего, связанного с жизнью, не было даже глубины, хотя бы достаточной для того, что уже имелось в Церкви. Ни о чем новом говорить было невозможно. А то, что имелось,—богатейшее наследие святоотеческого опыта, богослужебного опыта,—не использовалось и не воплощалось в жизнь. Далее.

Тимофей был назначен преподавателем риторики. Будущий святитель в тот период своей жизни все более прилагал ум и сердце Богу, изучая дивные пути Его и стремясь к иночеству и богомыслию. ... Святитель Тихон, по милости Божией, стяжал способность особого духовного зренья. Однажды в майскую ночь Тимофей вышел из кельи и увидел разверзшиеся небеса и дивный свет. Вскоре после бывшего ему видения он окончательно решил стать иноком.

Вот тут как раз замечательный повод для того, чтобы вспомнить и о духовной традиции Православия, которая была связана с деланием умным, деланием молитвенным, деланием Иисусовой молитвы—с той линией, которая дошла до нас уже в полном объеме, разработанная святителем Григорием Паламой.

Проходила эта линия и через святого Максима Исповедника, который точно так же, как и Симеон Новый Богослов, и другие крупнейшие мистики нашей Церкви, всегда подчеркивал, что не в этих схоластических формулах, а в опыте жизни, действительно особой, просвященной, в явлении Света, Духа как Света, в этом явлении Света была основа духовности, духовной жизни на православном Востоке. И вот святитель Тихон достигает этой высоты духовности, получает откровение Света и являет его миру. Далее.

16 апреля 1758 г. Тимофей Соколовский был пострижен в монахи с именем Тихон. Его добрым намерениям стали чинить препятствия, как со стороны светской власти, так и со стороны духовенства. Но не взирая на это, святитель стремился преодолеть раскол. Святитель Тихон заботился в первую очередь о подготовке достойных пастырей, через развитие и постановку школьного духовного образования.

Пройдя через все негативы тогдашнего духовного образования, сам он от образования не отказался. И, как видите, он постоянно проявляет себя как ревнитель благочестия и просвещения. Духовное образование имело решающее значение в борьбе с расколом и сектантством. Действительно, сектантство, как правило,—следствие узости в человеке—душевной, умственной, духовной.

Святитель обратил особое внимание на это, и его первой заботой была организация школ как для бедных детей духовенства, так и для самого духовенства. Святитель Тихон ввел строго уставное богослужение. Он старался ставить на духовные должности лиц достойных, внушая им правильные понятия об обязанностях своего звания. Заботясь о пастве, святитель не забывал и о церковном благолепии, о ремонте и благоустройстве храмов, о церковной утвари,

священных сосудах и т. д. В Воронежском крае еще существовали давние языческие обряды. Особенно сильно возмущали дух святителя годовое торжество в честь языческого божества Ярилы и сумасбродное пьянство во время масленицы. В творениях его, появившихся в Воронеже, читаем: «Души многих находятся в худом состоянии, ... расслаблены, разболелись, требуют врачевства и целительного пластыря, христианской веры и жития равного... и следов не видано!»

Это середина XVIII века, братья и сестры. Мы все удивляемся, как христианская Россия легко перешла, перескочила с одних ценностей на другие. Чего тут удивляться?

«Предерзости, злодеяния, насилования, озлобление и прочие беззакония от злых и пагубных людей еще более и более умножаются,—пишет Тихон.—Многие, нынешнего наипаче века, люди то до болезни, то до старости, то до смерти отлагают покаяние... Грех тяжкий и точно прелесть диавольская... Знак есть крайнего о спасении нерадения и сна греховного». Святитель Тихон против этого принимает самые решительные меры. Однажды он сам явился на праздник Ярилы. Видя перед собой святителя, одни от стыда разбежались с площади игрища, другие в угрызении совести молча пали к ногам святителя, третьи в горячности своего покаяния испрашивали прощения. Игрищные и торжищные палатки в присутствии святителя были разрушены, после этого святитель произнес крайне проникновенное слово, во время которого народ плакал. Многие люди, увлеченные древними языческими обычаями, в смысл которых они не вдумывались, приходили к святителю и раскаивались в содеянном.

Красноречивыми проповедями святитель Тихон вернул в Православие не одну тысячу старообрядцев. «Влияние его на раскольников было велико»,—отмечают историки. И даже наиболее упорствующие из них, не возвратившиеся в лоно Православия, несомненно чтили его. Святитель Тихон был чрезвычайно деятелен, ни одной свободной минуты у него не проходило напрасно.

Это один из признаков великого призвания, дорогие братья и сестры. Действительно, ни одной свободной минуты у него не проходило напрасно. Он все слишком близко принимал к своему любвеобильному сердцу.

Ни одной праздничной церковной службы не пропускал святитель Тихон и не оставлял без назидания свою паству. В своих проповедях он особенно ополчался на сребролюбие, различные виды хищения, безнравственные увеселения, излишнюю роскошь, тупость, недостаток любви к ближним. Святитель смело обличал во всей наготе и безобразии эти и им подобные пороки.

В 1765 г. святитель преобразовал воронежскую славяно-латинскую школу в духовную семинарию. Постоянные труды и заботы, от которых святитель Тихон никогда не имел отдыха, а также неприятности и частые затруднения при исполнении благих намерений сильно расстроили здоровье святителя. Он сожалел, что не может с прежней неутомимостью трудиться на пользу Церкви Отчей. 17 декабря ему была назначена пенсия и дозволено жить там, где он пожелает. Недолговременной была деятельность святителя Тихона на Воронежской кафедре—4 года и 7 месяцев, но и за такой сравнительно короткий срок он оставил благотворный след и в области духовного просвещения, и в церковном благоустройстве, и в миссионерском деле. Более 15 лет святитель Тихон пребывал на покое в монастырях Воронежской епархии, в Спасо-Преображенском монастыре, затем в Задонском монастыре. В те годы святитель Тихон написал свои лучшие духовные произведения. За время пребывания святителя Тихона в Задонском монастыре его пастырские и аскетические добродетели достигли более полного выражения. Своей жизнью святитель учил всех окружающих тому, как надо жить, чтобы спастись.

Подвижническая жизнь святителя Тихона, его неземная доброта утверждали людей в мысли о высоком достоинстве христианской веры. Подвигами святителя Тихона на покое были прежде всего молитва и милостыня. После молитвы любимым занятием его были беседы о спасении души. Он собирал вокруг себя детей и учил их молиться Богу, входил в разговор с крестьянами, учил их любви к труду и страху Божьему, делил скорби несчастных. Кроме устных бесед, вел благочестивую переписку, излагал мысли свои в письмах. Плодами размышлений о природе и о людях были его труды «Сокровище духовное от мира собираемое» и «Об истинном христианстве», которые святитель Тихон завершил на покое.

Это два самых известных произведения святителя Тихона Задонского. Очень рекомендую вам найти их и прочесть. Конечно, всем надо знать лучшие святоотеческие творения Русской церкви.

С годами святитель Тихон все более умножал свои подвиги, приготавливая себя к блаженной вечности. В конце жизни он предавался уединению и безмолвию. За три года до кончины святитель Тихон каждый день молился и со слезами молил Бога: «Скажи мне, Господи, кончину мою, и число дней моих». И вот однажды на утренней заре он услышал тихий голос: «В день недели будет конец жизни твоей». Святитель открыл эту своему ближайшему другу о. Митрофану. Духовный и благодатный мир, который наступает после борьбы, в то время уже обитал и в той душе почил. В праздник Рождества Христова 1779 г. святитель в последний раз был на храмовой божественной литургии. 29 января 1782 г. святитель составил духовное завещание, в котором воздал славу Богу за все благодеяния к нему, словами апостола Павла выразил упование на милость Божию и за пределами земной жизни. Свою кончину святитель предугадал и предсказал за три дня, позволив в тот день всем знакомым приходить к нему прощаться. 13 августа 1783 г. в день недельный в 6 часов 45 минут утра душа святителя разлучилась с телом. Смерть его была столь спокойна, что он как бы заснул. Так закончил свою многотрудную жизнь святитель Тихон Задонский.

12 августа 1861 г. святитель Тихон Задонский был причислен к лику святых Русской Церкви. На следующий день в Задонске при стечении паломников со всех концов России митрополитом С.-Петербургским и Ладужским Исидором (Никольским) в сослужении многочисленных иерархов и духовенства были открыты мощи святителя Тихона. На свечнице водружен светильник «Да светит всем, иже в храме суть». Днем памяти святителя установлено 13 августа, по старому стилю—сегодняшний день.

Святитель Тихон был человеком очень свободного духа. Он говорил о том, что важно не просто внешнее следование церковному установлению, а важно собирание в духе. Еще до преподобного Серафима Саровского он утверждал, что если люди делают внешние дела, если они причащаются и даже храмы строят, и все при этом совершают, что почтенно у людей и в церкви, но Духа Святого не имеют, то они не преуспели в своей жизни. Он очень настаивал на этом в своих произведениях, говоря об истинности веры. Думаю, что его уход на покой был связан не только с его здоровьем. Действительно, давление на святых, в том числе и церковное, и общественное давление, было очень сильным. Мы можем себе представить, как на него давил епископ, давили все эти обстоятельства.

Его понимание, мистическое, глубокое понимание христианской и церковной жизни, конечно, вызывало подозрение. Он был слишком высокочудр, слишком философствовал. Он много читал западных философов и, надо сказать, действительно многое почерпнул из западного опыта. Святитель Тихон этого не боялся. Насколько я помню, он в значительной степени при написании своих книг использовал именно западную литературу.

В основу своей книги «Об истинном христианстве» он положил идеи книги Иоганна Арндта.

Некоторые даже считали, что он просто ее перевел. Но он не просто ее перевел. Он ее переделал, взяв канву западной книги. Многие, к сожалению, этого не знают. Не надо переоценивать этот факт, но не надо его и недооценивать, особенно в наше время, когда есть подозрение ко всякой открытости к западному христианству. Впрочем, естественно, все—в меру. Один к одному западный христианский опыт нам принимать не стоит. Это мы с вами хорошо знаем. Но он сделал то, что по некоторым идеям этой книги его сближает с Серафимом Саровским и с преподобным Никодимом Святогорцем, который написал книгу «Невидимая брань», тоже в основном пользуясь западными мистическими разработками. Сейчас «Невидимая брань» стала для многих настольной книгой, для других существенным руководством по аскетике.

Святитель Тихон глубже проработал западную книгу, и это для нас, конечно, очень важно. Все это отражено в иностранных изданиях, и почерпнуть эти сведения из наших современных источников не просто. Но вам, братья и сестры, это надо знать, потому что, к сожалению, история часто стилизуется, искажается, что всегда плохо, во всех смыслах плохо.

Надеюсь, братья и сестры, что вы прочтете книгу святителя Тихона «Об истинном христианстве». Очень часто в современных церковных изданиях приводятся и цитаты из книги «Сокровище духовное от мира собираемое». Насколько я знаю, ее тоже собираются переиздавать.

Жизнь святителя Тихона для нас, конечно, прекрасный пример. С одной стороны, она отражает ту реальность жизни, которая окружала Церковь, и негативы, и позитивы этой жизни. С другой стороны, она показывает, насколько человек, живущий во Христе, может преодолевать препятствия, не поддаваться никакому давлению, прославлять Господа и Церковь Его.

Аминь.

Слово на утрени после чтения Евангелия (Ин 10: 9-16)

Братья и сестры, христиане! Господь пришел для того, чтобы мы имели жизнь, имели ее с избытком. Не для того, чтобы что-то иметь, не для того, чтобы чем-то или кем-то пользоваться, мы пришли на эту землю, братья и сестры. Господь наш дает жизнь! Мы приобщаемся к этой полноте жизни и чувствуем, что это—жизнь бесконечная, что она избыточна. Вот эта избыточность жизни и приводит нас к убеждению, что это—жизнь вечная. Действительно, приобщаясь ко Христу, мы чувствуем, что мы—как те овцы, которые уже не могут не идти за своим пастырем. Как Отец знает Сына, так и Сын знает Отца. И так же мы с вами знаем Сына. Мы с вами стараемся следовать за Христом, действительно как овцы идут, просто услышав глас. И конечно, пример—великое дело. Таким духовным примером являются для нас святые. Они проводят нас через ту дверь, которая есть Сам Господь. Дверь, которая—не «что», а «Кто»!

Нам трудно вместить это, братья и сестры, хотя мы с вами стараемся исполнять каждое слово Писания. Господь идет впереди нас во всем, и от нас требуется некое послушание Ему, некое подражание Ему. Если Он—Пастырь добрый, то тоже должно быть и в нас. Ведь у каждого есть близкие, родные, знакомые, которые нуждаются вот в таком добром пастыре, которые в данный момент жизни могут воспользоваться нашим опытом, нашей верой для того, чтобы исправить свою жизнь, чтобы обрести жизнь с избытком.

Братья и сестры, не будем отказываться от этого. Конечно, мы все хорошо понимаем, что Господь—Единый Пастырь, такой, равного Которому не было и не будет. Конечно, мы не путаем пастырство свое с пастырством тех, кто пасет всю паству в Церкви, внутри Церкви. И

тем не менее каждый из нас призван к апостолату, к проповеди, к тому, чтобы заботиться по-пастырски о тех ближних наших, которые в этом нуждаются, которые сейчас сами не имеют сил для того, чтобы прямо следовать за Христом, которые, может быть, исполнены предрассудков, суеверий, немощей и грехов.

Братья и сестры, если мы с вами поможем отвратиться этим людям от их ложного пути, то и сами спасемся и покроем множество своих грехов.

Господь—Пастырь добрый. Он знает Своих, Он знает Свою Церковь. И Церковь Христова знает Его. Господь полагает жизнь Свою за это и нам следует отдать душу свою, жизнь свою за Христа и Евангелие.

Мы с радостью слышим в Евангелии, что есть у Господа и овцы со другого двора, не с Его двора, и всем надо прийти ко Христу, чтобы все слышали Его голос, чтобы было одно стадо при одном Пастыре.

Братья и сестры, для нас с вами это великое обетование. Единственно православное оправдание всякой экуменической деятельности может быть только в этих словах о едином Пастыре единого стада, потому что Христос хочет собрать воедино всех, кто слушает Его голос, кто готов идти за Ним. И мы знаем, что это стадо рассеяно, оно, конечно, не уместается во внешние человеческие рамки Православной церкви. Мы это знаем. Примеры этого мы сегодня уже приводили. И мы знаем также, как к этому относились наши святые. И нам забывать об этом не следует.

Братья и сестры, да будет в нашем сердце это слово! Господь собирает Своих, Он—Единый Пастырь Своего единого стада.

Аминь, истинно, так да будет!

Слово после утрени

Братья и сестры! Вот мы с вами и завершили празднование Преображения. С сегодняшнего же вечера начинается предпразднование Успения Божьей Матери. Этот Праздник будет длиться, как вы знаете, тоже не один день.

Преображение Господне—это Свет, Свет огня Божьего, и нам с вами нужно помнить, что Божий огонь—это не материальный, физический огонь, который опалает все в этом мире, будучи сам стихией этого мира. Божий огонь не есть стихия вовсе, в нем есть мир, Божий мир. Не просто покой, братья и сестры, а мир!

Мы должны стремиться к этому миру, быть просвещены этим огнем, быть пронизаны его светом. Каждый день этой жизни должен быть шагом в направлении к высшей жизни, и, братья и сестры, как нам не вспомнить снова и снова слова Писания: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный».

Совершенство Отца нашего Небесного—совершенство вот этого нетварного Света, этого огня Божьего. Нам Бог открывается в этой Своей силе, в этой Своей энергии, в этой Своей славе. Конечно, мы с вами знаем, что сущность Бога никто не может описать, определить, раскрыть своим человеческим умом в земных условиях. Но Бог вселяется и в душу, и в сердца наши, вселяется Своим светом, Своей силой. И мы таким образом познаем Самого Бога без всякого посредничества. Один посредник—Господь наш Иисус Христос, Который Сам принес нам этот огонь с небес, этот Свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир.

Братья и сестры, теперь будем ждать празднования Преображения Господнего в следующем году. И я надеюсь, что в следующем году мы будем более совершенны, что этот год не пройдет даром для нас, что мы сможем встретить этот праздник в лучшем духе, более высоком духе, чем сейчас.

Нет предела совершенствованию во Христе, и нам нужно устремиться к этому совершенству и, устремившись к нему, проходить поприща нашей жизни, преодолевая все препятствия, помня, что мы служим Богу живому и значит—всему, на чем отображается Божий образ.

Братья и сестры, будем почитать всякое отображение. Все, к чему прикоснулась эта сила Божия, для нас свято и почтенно. И еще раз напоминаю, посредников между нами и Богом во Христе нет!

Храни вас всех Господь!

Завтра вечером у нас великая вечерня. Мы начинаем таким образом праздновать Успение. В самый день праздника в 8 часов будет утренняя, в 10—литургия. Потом пройдем крестным ходом к нашему второму, как бы приписному, храму Успения Богородицы в Печатниках. Это Успенский храм, и мы хотели бы внутри или у входа в него (как уж получится) совершить праздничный молебен и тем самым открыть богослужebную жизнь храма, который еще очень трудно оживить, хотя он и передан самостоятельной церковной общине.

Храни вас Господь! И до завтра.

27 августа. Успение Пресвятой Богородицы Слово на вечерне после паримий

Братья и сестры, христиане! Мы сейчас с вами начали празднование Успения Пресвятой Богородицы. Удивительным образом в христианстве—в нашей вере, в нашей жизни—Успение становится важным праздником. Это невозможно вместить человеческим умом, и, наверное, только тайна Креста Христова, тайна Голгофы раскрывает нам, как это может быть. Кто не отвергнет себя, кто не потеряет души своей ради Христа и Евангелия, тот недостойный ученик Христов.

Мы празднуем Успение Божией Матери, Девы Богородицы, целомудренной Марии, и сейчас вы слышали три паримии, которые как бы Ее прообразовали. Они дали нам некие указания на то, кто для нас Дева Мария.

Вот, в начале мы видим Ее как девственную землю, на которой стоит лестница—та лестница Иакова, которая является единым посредством между Богом и человеком, между небом и землей. Потом перед нами образ пророка Иезекииля—некий храм, храм особенный, храм особого присутствия Божьего. И этот храм, эта Церковь тоже есть некое живое, неумирающее тело—тело, которое на земле, но которое просвещено Духом присутствия Божьего. И наконец, мы слышали о доме, который создан Премудростью Божией, доме, в котором семь столпов. В переводе с символического языка на язык более нам понятный, это означает дом, крепко утвержденный. Вот о таком доме мы слышали, доме, который не может рухнуть, потому что он утвержден на этих столпах, потому что здесь Премудрость. Ведь действительно, мы с вами никогда не должны забывать основу почитания Божьей Матери в Церкви Христовой. Эта основа очень глубока, она значительно глубже простой аналогии человеческих отношений между родителями и детьми, между матерью (даже такой девственной Матерью) и сыном (даже таким Сыном). Нам никогда не надо забывать, что образ Божьей Матери в огромной степени совместим с образом Церкви. И почитание Божьей Матери есть почитание Церкви, есть почитание богочеловеческого Тела—Тела Богочеловека, которое дано Ею, и Тела

Христово, которое есть продолжение Богочеловечества во Христе.

Братья и сестры, это великая тайна. Ведь мы с вами тоже члены этого Тела и поэтому мы тоже приобщены к этой девственности Божьей Матери, каждый в свою меру, каждый так, как он успел.

Братья и сестры, Успение Божьей Матери становится для нас символом восстающей духовной жизни и умирающей жизни душевной, как в 15 главе Первого послания к Коринфянам пишет апостол Павел: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное». Для нас поэтому было неизбежно возникновение этого праздника в истории христианства. Не могло быть так, чтобы этот момент не был осознан, осмыслен, выявлен в Церкви Христовой. Конечно, можно сказать: почти шесть веков не было этого праздника в Церкви. Можно сказать также, что нет для него оснований и в Священном писании. Но мы с вами знаем ответы на эти вопросы, мы знаем, как жила Церковь Христова, как она обогащалась новым опытом в своей жизни. Я думаю, мы не можем сказать, что этого праздника не было. Он, может быть, какое-то время не был выявлен, но жизнь-то церковная текла во всей своей полноте даже тогда, когда не было еще той разработанной системы праздников, которую мы с вами хорошо знаем.

Братья и сестры, конечно, сегодняшний праздник является нам как символ и как некое ожерелье, как некий венок из цветов около образа Божьей Матери. Это очень значительно для нас. Мы никогда не должны замыкаться в рациональных объяснениях, исторических объяснениях того или иного явления в Церкви. Церковь живет особой, новой жизнью, жизнью не от мира сего, хотя до конца истории—в мире сем. И мы с вами сегодня пришли сюда, чтобы утвердиться в почитании Божьей Матери, и тем самым—в почитании Христа и Церкви.

Да будет вера наша и далее укрепляться и просвещаться!

Аминь.

Слово после вечерни

Завтра у нас в 8 часов будет утренняя, потом литургия, а после этого мы с вами крестным ходом, Бог даст, пройдем к нашему второму, как бы приписному, храму Успения Богородицы в Печатниках. Сегодня вечером будет исповедь для тех, кто завтра будет причащаться, и кто имеет в этом нужду. Конечно, если вы причащались в только что прошедший воскресный день и за эти дни не совершили больших и явных грехов, то можно завтра причащаться без исповеди.

Я хотел бы сегодня сказать еще об одном. В конце богослужения мы с вами произносим возгласы, и они очень знаменательны: среди них всегда есть возглас: «Пресвятая Богородица, спаси нас», или «Пресвятая Богородица, помогай нам»—это вариант того же возгласа, но вариант более древний. Вы, может быть, уже знаете о том, как возникло это возгласение, обращенное к Божьей Матери. Это, дорогие братья и сестры, связано с церковным преданием, как раз с праздником Успения Богородицы. По одной такой легенде, по одному такому преданию, апостолы после Вознесения и Пятидесятницы стали на своих трапезах оставлять место для Господа. И поэтому изначально они призывали Господа Иисуса и говорили: «Господи Иисусе Христе, помогай нам». А после отшествия Божьей Матери стали добавлять: «Пресвятая Богородица, помогай нам». И со временем этот возглас превратился в еще более возвышающий Божью Матерь, когда к Ней обратили те же слова, что и ко Спасителю: «Пресвятая Богородица, спаси нас».

Надо вам сказать, что так как изначально в Церкви многие и многие века существовал обычай совершать после евхаристических такие как бы полулитургические трапезы—агапы, трапезы любви, то как раз в том чине, который совершается до сих пор на таких трапезах (а кто из вас был в монастырях, тот знает этот чин), сохранились эти древние возгласы. Если кто-то из вас не обращал на это внимания, то очень прошу вас быть внимательными, когда будете в монастыре во время совершения «чина о Панагии», который является последним по времени церковным чином, связанным с общими трапезами после причастия, после Евхаристии. «Чин о Панагии» включает эти возгласы с древних времен.

Сами эти «трапезы любви» существовали целые тысячелетия, братья и сестры. Сейчас они, к сожалению, стали совершаться довольно редко. Вы знаете, что они сохранились лишь в отдельных моментах,—как бы в таких реликтовых моментах, связанных с послепричастными действиями, или запивкой, или «чином о Панагии», или поминками, которые тоже имеют чин, близкий к тому, что сложился на этих агапах.

Должен сказать, что нам очень важно знать духовные предания, нам надо вникать в их смысл, в их суть, потому что иногда люди, не зная этого, начинают чем-то смущаться просто по невежеству своему. Некоторым не нравится, допустим, возглас «Пресвятая Богородица, спаси нас», и они говорят: «Мы обращаем это к Богу, к Самому Спасителю, ведь Спаситель один!» И верно, Церковь признает, что один Спаситель у нас—Бог, так же как и посредник между Богом и людьми у нас один. Это действительно так, братья и сестры. Но это возражение против возгласа, обращенного к Божьей Матери, неверно, потому что оно оторвано от церковного предания, от контекста церковной жизни, от духа церковности нашей.

Церковное предание соединяет и отождествляет эти возгласы. Нам с вами, повторяю, полезно это знать. Мы должны воспринимать эти возгласы тождественно, иначе нам не избежать каких-то изъянов в нашей жизни.

Вот, братья и сестры, еще и эта деталь, связанная с сегодняшним праздником, нас учит во благо.

Аминь.

Слово на исповеди после вечерни

Братья и сестры! Мы не однажды говорили с вами о том, что всякий служитель Божий не требует особого отдыха, особой перемены своей деятельности, потому что служение охватывает всю жизнь и доходит до самой глубины сердца, до тех глубинных неиссякаемых источников, единственных источников, которые только и могут настроить нас на служение, подобное служению, открытому нам Христом. Но как часто мы не стремимся быть действительно служителями Бога и человека в соответствии с нашей верой!

Мы с вами говорили и о том, что есть еще то, что мы делаем по послушанию, по послушанию правде Божией, закону Божьему, по послушанию заповедям Божьим. Это мы называем работой. И вот, сейчас мы должны подумать о том, что мы с вами часто бываем плохими работниками—прямо в соответствии с притчей Господа о работниках на винограднике, где Он говорит в общем-то о негодных рабах, негодных рабочих, негодных работниках. И боюсь, что это наша большая проблема.

Мы не умеем ни служить, ни работать! Я уже не говорю о том, что мы долго и усердно не

умею работать. Поработаем 3–4 часа в сутки и считаем это уже верхом совершенства. В остальное же время часто имитируем бурную деятельность, а работать-то не работаем. И прекрасно это знаем, и это, к сожалению, вошло в нашу плоть и кровь. Часто мы и нашим детям говорим: «Вот ты отдохни, дорогой, посиди!» И часто прежде учим их ничегонеделанию. Это считается главным. Но вот уж по необходимости говорим им, что надо помочь родителям, потом—надо хорошо учиться, потом—надо выполнять какие-то душевные обязанности. Так все это и входит в нашу жизнь—начинаем с удовлетворения наших потребностей, постоянно растущих и меняющихся, а потом уже—все остальное. И вот, мы с вами, к сожалению, становимся очень плохими работниками. Повторяю, что я сейчас говорю именно о работе, а не о служении. Что мы плохие служители—это само собой разумеется. Тут нам хочется оправдать себя тем, что мы еще не опытные в вере, и поэтому плохо людям служим. Ну, можно все это со смирением принять, признать. Мол, мы вынуждены так жить и служить. Но мы ведь не исполняем и того, что «должны делать», в соответствии с евангельским словом. Помните это слово? Им очень удачно заканчивается «Катехизис» митрополита Филарета, который вы все знаете: «Если вы сделаете все повеленное вам от Господа, то говорите: »Мы рабы ничего нестоящие, потому что сделали лишь то, что должны были сделать" (вспомните Евангелие от Луки).

У нас с вами редко хватает сил на подобное делание. Во-первых, мы не делаем «всего», это уже само собой, а с другой стороны, чтобы человек что-то удачно сделал—просто то, что он «должен был сделать», и при этом назвал себя «рабом ничего нестоящим»—такого я не видел никогда и ни у кого. И это большая проблема, дорогие братья и сестры.

В нашей жизни очень много значит наша работа, и мы никогда не укрепимся, не пойдем вперед в служении Богу и ближнему в мире Божьем, если не научимся хорошо работать. Не буду говорить о социальной стороне дела, о том, что это полезно кому-то, нам, и не только нам, и обществу, и людям. Я считаю, что это азы, которые вам всем известны. Но не об этом речь. Опыт показывает, что люди хорошо работают только тогда, когда они определяют стимулы для своей работы изнутри, определяют их внутренними потребностями, а не извне. Известно, что хорошо работают люди, которые часто почти ничего не получают за свой труд, но которые встают в пять часов утра каждый день или даже раньше—в четыре, и работают до работы и после работы. И вот тогда что-то выходит. Всегда было удивительно мне, например, видеть многих людей старшего поколения, родившихся и хотя бы немного сформировавшихся до революции. У меня был такой отец, и я видел многих других людей, которые как раз вот таким образом работали. И это было поразительно, потому что сейчас многие люди часто устроены по-другому, они не хотят вот так работать и считают, что действительно работающий человек просто впустую надрывается.

Обо всем этом можно было бы не говорить совсем, если бы это не касалось и нас с вами, если бы это не было и нашей с вами бедой. А опыт показывает, что в церкви это проявляется значительно острее, чем в других местах. Здесь ответственность больше, здесь призвание больше, здесь требования к людям выше. Ведь сказано: «Кому больше дано, с того больше и спрашивается». Мы не имеем права считать, что нам дано меньше, чем другим. Нам действительно дано больше, а нам хочется, чтобы судили о нас так же как о других.

Я вам должен сказать, что в церкви действительно очень обостряются наши грехи и недостатки. У нас с вами много хороших и добрых намерений. Это бесспорно, и слава Богу! Но вот воплощать их в жизнь оказывается трудно. Некоторые могут, некоторые преодолевают инерцию своего тела, души, духа, отношения к другим и при этом не теряют голову, не отрываются от земли. Но большинство, к сожалению, так не живет. Если начинают что-то делать, то делают из рук вон плохо, при этом еще именно как верующие люди чувствуют свое

«преимущество», связанное с верой, и исполняются особым самоуважением и самомнением, которые предполагают определенного рода претензии. И никакого здесь смирения даже в помине нет. Вот, братья и сестры, это огромная проблема.

Думаю, что нужно иметь действительно доброе внутреннее духовное устройство нам с вами для того, чтобы эту проблему решить. Именно духовное устройство, не просто организационные способности. Эти способности могут быть у любого, а вот это устройство может и должно быть у каждого христианина. Подумайте в этом плане, братья и сестры.

Сегодня у нас исповедь, слава Богу, не многочисленная, и поэтому мы можем говорить о более частных вещах. Подумайте, сколько времени и сил вы уделяете себе, ближним, и насколько эффективно. Ведь иногда бывает так, что человек с утра до ночи на работе и говорит, как он устает, и что он никогда не отдыхает, да как он немощен и болен, а в общем-то делает он очень и очень мало, то, что можно сделать и за полчаса нормальным людям. Вот давайте об этом подумаем.

Действительно, грех быть плохим работником. И никогда мы с вами не станем добрыми христианами, если не научимся работать и если не будем иметь смирения. Всякая работа требует смирения, кротости, особенно работа, связанная с другими людьми. Когда мы общаемся с людьми, нам надо уметь радоваться радостью другого человека. Здесь как раз и создаются предпосылки простых христианских отношений. А то как часто люди за какие-то «десятки», «двадцатки», добавляемые к зарплате, готовы перегрызть друг другу горло, готовы писать всякие анонимки, идти жаловаться, кляузничать, предавать, ругаться. Те, кто работает, а таких большинство среди вас, хорошо знают, что такое «работа» и замечательно это себе представляют. Это начинается еще в школе, когда человеку хочется более легким путем пойти, незаслуженно получить более высокую оценку. Сначала его грызет совесть за то, что он списал, слукавил, соврал, удачно «сделал вид». Но потом он продолжает лукавить, вовсе забывая о совести.

Вот, братья и сестры, это часть нашей жизни, но часть очень существенная, потому что это распространяется, еще раз хочу сказать, на все, потому что человек очень быстро привыкает к своему уровню и качеству жизни, к себе самому. И то же самое с ним происходит в церкви. Он уже не замечает, что делает. Хотя, как недавно писали, «кто не работает, тот пусть и не ест». Об этом же говорил апостол Павел, но только он точнее писал, лучше, значительнее, чем то, что было сказано в моральном кодексе наших недавних лет: «Кто не работает, тот и не ешь». И это было обращено к совести самого человека, а не к тем, кто его окружает. Апостол Павел об этом писал серьезно, но мы с вами очень плохо усвоили эти слова. И еще слова из Писания, где в Новом завете говорится: «Все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков», т. е. лицемерно. Когда человек делает что-то для человека, он невольно или вольно начинает лицемерить: для одного человека он делает так, для другого—уже по-другому. А Господь всегда один и тот же. И если мы трудимся, «как для Господа, а не для человека», то не будет у нас лицемерия, не будет лжи в нашей жизни. Так что эти слова из Священного писания Нового Завета неслучайны, потому что опасности, связанные с их искажением, были явлены апостолам еще в то время.

Братья и сестры, нам действительно нужно покаяние в том, как мы живем, равно как и в том, как мы работаем и служим Богу. В древности христиане всегда показывали пример своим трудом, своей жизнью. Когда мы сейчас об этом говорим, появляется какая-то двусмыслица. У большинства христиан возникает ассоциация, скажем, только с протестантскими движениями, внутри которых люди умеют хорошо работать. А вот почему-то в православии есть такое чуть ли не мнение, что, мол, мы что, баптисты или лютеране, чтобы хорошо работать, чтобы честно работать, чтобы не брать чужого, мне не принадлежащего, независимо от того, видят тебя или

не видят, чтобы быть экономным не только тогда, когда это касается своего кошелька или своих каких-то дел, но и тогда, когда вообще ты работаешь? Протестантская этика, конечно, этого требует, хотя и не жестко, там есть своя специфика, но мы не будем сейчас об этом говорить. Плохо то, что мы некоторые вещи, принципиально важные в нашей христианской жизни, спокойно отдаем на откуп другим. «От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься». Но и от мыслей своих, и от дел своих. Постараемся же сделать из этого вывод.

Я мог бы привести еще очень много примеров, так как у нас, как у всех, достаточно проблем. Надеюсь, каждый из вас понимает, что общие вещи имеют очень конкретное приложение в нашей жизни. И повторяю, отнюдь не просто начальное. Иногда даже кажется, что не решив вот этих вещей, трудно двигаться вперед. Нам всем хочется вперед, вперед, вверх. И очень хорошо. Но это движение происходит очень трудно. Часто человек начинает свою христианскую жизнь, а продолжить ее не может. Сделал несколько шагов, снял сверху пенки—и все. А ведь это целая трагедия! Есть люди, которые десятилетиями стоят на одном и том же духовном уровне. Не дай Бог, чтобы мы попали в этот капкан, в эту сеть. Мы же все с вами хорошо знаем, что если мы не идем вперед, то идем назад.

Посмотрите, как много делают некоторые люди: успевают и для себя все сделать, и на работе, и сверх работы, и еще сколько в церкви делают, еще сколько на общественных началах помогают другим людям—больным, старым, детям. У нас же не хватает времени даже на себя—какие уж там больные и старые люди! Я не буду сейчас говорить о причинах, мы с вами о них говорили. Для того чтобы все это было в большом масштабе, нам нужна общинная жизнь, а не просто индивидуальная, приходская—это вы все знаете. Но я хотел сказать и о других сторонах того же самого. Вот, братья и сестры, будем учиться общению друг с другом, работе, служению, чтобы ни один день нашей жизни не прошел в лености, расслабленности, в фальши, халтуре. Конечно, часто бывает невозможно справиться со всем в одночасье, но начинать это делать надо сразу, сейчас. Посмотрите на то, чего недорабатывает каждый из вас, или еще на какие-нибудь «недо-», и сделайте выводы, ну, начните хотя бы. Человек—существо сложное и инерционное, и поэтому невозможно сразу взять и прыгнуть, и все сломать.

Братья и сестры, я всегда надеюсь, что каждая наша исповедь совершается для нас, а не для соседа и, значит, будет давать плоды. Прошло всего несколько дней, как мы с вами проводили более общую исповедь. В следующую субботу снова будет, если Бог даст, такая исповедь. Поэтому я не буду сейчас вам говорить о более общих вещах. Вы знаете, у кого какие есть грехи, и покайтесь от сердца, покайтесь так, чтобы завтра прийти на евхаристическое служение очищенными, омытыми покаянием. Если у кого-то что-то особенное, то не стесняйтесь говорить персонально, чтобы нам груз своих грехов не нести за собою в Царство Небесное.

28 августа. Слово на утрене после чтения Евангелия (Лк 1: 39-49)

Братья и сестры, христиане! Господь «низлагает сильных с престола и возносит смиренных, алчущих исполняет благ, а богатящихся отпускает ни с чем». Мы это с вами видим, видим постоянно. Это закон жизни, хотя иногда не сразу явным образом проявляющийся. Многие еще не так давно среди нас говорили: «Каким же образом Бог действует? Вот, люди несправедливые, люди злые, люди ограниченные, люди недостойные часто живут во дворцах, живут в роскоши, а те, кто трудится, служит Богу, тот страдает, страдает от болезней, от переживаний, от условий жизни—от всего».

Братья и сестры, но Господь удостоверяет нас в Своей правде. Если и не по первому, так сказать, нашему прошению, то все равно в жизни происходит так, что справедливость начинает торжествовать или, по крайней мере, для этого открываются новые возможности. И

вот здесь, в Евангелии от Луки, неслучайно сказано о том, как Господь «возносит смиренных». Вчера после паримий мы с вами говорили о Божьей Матери как о девственной земле. Эта девственная земля и есть смирение, то, что взывает к смирению. И эта смиренная девственная земля действительно может быть обозначением Божьей Матери, в честь Которой наше сегодняшнее празднование. Ведь земля эта открыта, открыта для сеяния, открыта к тому, чтобы святое семя пало и дало свой плод. И вот потому мы с вами всегда особым образом должны добиваться такой кротости, такого смирения, которые показала нам Божья Матерь.

Его действительно трудно обрести, братья и сестры. Хорошо говорить о смирении. Можно показывать внешние знаки смирения, которые часто являются просто знаками самоунижения, а смирения при этом не иметь. К сожалению, у людей очень много ложного смирения, ложных знаков, и они, конечно, нисколько не соответствуют внутреннему состоянию, мыслям и делам человека, который хочет показаться перед людьми смиренным.

Братья и сестры, пусть для нас образ Божьей Матери будет образом смирения и кротости, чтобы «в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа» приносить тот плод, который возрастает в зависимости от того семени, которое падает на благодатную почву. И дай Бог, чтобы в нас образ Божьей Матери был всегда жив, чтобы мы не отстраняли его куда-то в дальний угол, чтобы мы носили этот образ в сердце своем.

Аминь.

Слово на литургии после чтения апостола (Флп 2: 5-11) и Евангелия (Лк 10:38-42,11:27-28)

Дорогие братья и сестры! Мы сейчас слышали отрывки из Послания апостола Павла к Филиппийцам и из Евангелия от Луки, которые всегда читаются в дни празднования в честь Божьей Матери—будь то та или иная икона, то или иное событие в Ее жизни или иная какая-то память, связанная с Ней. И может быть, некоторые из вас обращали внимание на то, что здесь, собственно, о самой Деве Марии ничего не сказано. Почему же так? Ведь когда мы читаем на литургии какой-то текст, он всегда связан с этой службой и, значит, с тем святым, которого мы тогда прославляем, или с тем или иным событием, праздником.

Почему же в первом случае, в Послании апостола Павла мы с вами слышали слова о Христе, о том, что Бог даровал Ему имя более всякого имени? И перед Его именем преклонится всякий род небесных, земных и преисподних, и всякий исповедует, т. е. признает, что Иисус есть Господь во славу Бога Отца. Так же мы слышали сейчас и в Евангелии, что, вот, приходит Господь в дом Марфы и Марии. Но ведь это другая Мария, это сестра Марфы, о ней здесь идет речь. И только в самом конце есть такой стих, такой добавочек, который говорит о сосцах, питавших Господа, о том, насколько они блаженны, если такое может открывать Ее Сын. И Господь здесь отвечает очень определенно, что воистину-то блажен тот, кто слушает слово Божие и исполняет его.

Я хотел бы обратить ваше внимание на это, братья и сестры. Не все в духовной жизни бывает как бы так вот лежащим на поверхности, и в богослужении—тем более. Ведь мы всегда помним, что если мы прославляем Божию Матерь, то мы прославляем Христа, что ради прославления Христа мы прославляем Божию Матерь. Когда прославление того или иного святого и даже Божьей Матери отрывается от прославления Господа, от прославления Иисуса Христа, тогда мы уже в опасности совершить некоторое согрешение. Мы делаем нечто, что Церковь нам не предлагает делать. Поэтому-то все эти писания, которые мы слышали сейчас, и говорят о Христе, чтобы, познав Того, Кому мы поклоняемся, Кому мы служим, Господа нашего, мы тоже в радости воскликнули: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» Если мы с любовью отнесемся ко Христу, если мы встретим Его слово как слово Божие и будем сохранять

его, хотя бы пожелаем этого, то конечно, мы будем прославлять все, что связано с Господом, и всех, кто связан с Господом, и особенно Его Мать.

Вот, братья и сестры, так надлежит нам чествовать Божию Матерь. Помните, вчера вечером мы говорили о тех двух возгласах, которые в определенных контекстах стоят как тождественные? Я имею в виду возгласы: «Пресвятая Богородица, помогай нам!» и «Пресвятая Богородица, спаси нас!» Эти возгласы тождественны, и мы с вами должны это правильно понимать. Церковь нам дает не просто какие-то указания, она нас учит жить, действительно воспринимать слово Божие и сохранять его на всех путях наших, какими бы они ни были. У каждого из нас свой путь, но он должен быть соединен, сочленен с тем Путем, Который есть Сам Господь.

Вот, братья и сестры, возрадуемся же о Той, Которая родила Господа, которая Его питала сосцами, и тогда мы, воистину имея эту радость, будем всегда служить Господу, будем не просто слушать Его слово, но и исполнять его.

Аминь.

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

А. К.

Я родился в семье верующих—мамы и бабушки. Рос без отца. Со школьных лет интересовался философией и математикой. Уже в старших классах я перестал быть атеистом. Чтение книг и общение с друзьями постоянно «подогревало» во мне желание понять во что же я верю. После чтения книг по индийской философии и йоге мне захотелось получить яркий мистический опыт. Некоторое время я занимался, впрочем, весьма нерегулярно, йогической практикой. Однако мое внутренне состояние меня не удовлетворяло. Я почувствовал отрешенность от окружающих и болезненную замкнутость на себе. Все это, как я теперь думаю, было безблагодатно, а может быть, и хуже того. Я забросил занятия восточными практиками и решил ограничиться чтением книг, касающихся религиозных вопросов. В это время было прочитано Евангелие и несколько книг религиозно-философского содержания. Постепенно у меня появилось христианское, как мне казалось, понимание мира. Я четко выделял для себя, что христианство—это личный Бог, личная жизнь с Богом во Христе, Страшный Суд и Жизнь Вечная преобразенного Человека в преобразенном мире. Внутренне приняв Христа как Сына Божия и Спасителя, к Церкви я относился как к чисто обрядовому учреждению. В 1983 г. у меня родилась первая дочь. Моя жена и родственники настояли на том, чтобы я принял крещение. Я долго отказывался, но в конце концов уступил, и в 1984 г. крестился вместе с дочерью в деревенской церкви под Тулой. К крещению отнесся просто как к традиционному обряду. Года два назад некоторые из моих друзей оглашались у о. Георгия Кочеткова. Они приглашали и меня, но я считал это не очень важным и отказывался. И вот не так давно я почувствовал, что в жизни моей—во мне, в моей семье, в моем отношении с другими людьми—иссякает что-то очень для меня значимое, может быть, самое важное. Не могу сказать, как и когда точно я понял, что иссякает во мне Любовь. Мне кажется, что я испытывал чувство богооставленности, и вместе с тем что-то говорило мне о том, что нужно идти в церковь и что Церковь—не просто культовое здание, где совершаются обряды, но что за этим стоит огромная и спасительная для меня сила. В эти дни мне позвонил мой друг, который уже прошел оглашение и крестился. От него я узнал подробно об оглашении и воцерковлении. Я решил пойти на «открытую встречу». Вместе с этими решениями ко мне пришло большое

душевное облегчение и внутренняя уверенность, что все будет хорошо. Неожиданно для меня моя жена тоже пожелала пойти со мной. Так мы начали ходить на огласительные встречи и посещать храм. Мы ясно чувствуем, что начала меняться наша мирская и душевно-духовная жизнь. Это действительно очень похоже на второе рождение.

О.П.

Мой путь к Богу начался с самого раннего детства. Многое из того, что я делала, шло от моей внутренней потребности. Прямо и искренне грустила, грустила и радовалась, непонятно почему, советуясь с кем-либо, я совершала поступки, в правоте которых была внутренне уверена. Чем старше я становилась, тем больше я видела зла не только у чужих, но и у родных и близких мне людей. Я дома испытывала незнакомые мне чувства и ничего не понимала. Почему все стало ломаться? Где та легкость, с которой все получалось? Все острее я стала чувствовать равнодушие и ненужность, к чему-то хотелось стремиться. Внутри была пустота. И все же всеми силами старалась вернуть то, что бесследно уходило. На многое отвлекалась, стараясь заполнить пустоту, но ничто меня не успокаивало. Любое занятие перестало приносить такое удовлетворение, которое было раньше. Знакомства, встречи, всевозможные праздники для меня стали пустыми, даже примитивными. Всегда все, как бы мне этого ни не хотелось, выглядело одинаково. Мои светлые деньки стали тускнеть постепенно. Домой идти всегда не хотелось. В семье напряжение с каждым годом нарастало. Каждый чего-то искал где-то далеко. Отчуждение росло, хотя все старались сохранить семейное тепло. Пропало желание к чему-то идти. Куда? Зачем? Мой пыл остыл, настала ночь, мне некуда идти. И я стою, о Боже мой, спаси и помоги. Мое выделение среди других вызывало во мне дискомфорт, находиться среди людей было неприятно. Назревала масса вопросов. Многое меня тяготило. Искала ответа. Друзья, взрослые, старые люди, каждый отвечал, исходя из собственной позиции. Слушая их мудрые и в то же время пустые для меня слова, я как будто ничего не слышала. Время от времени стали происходить чудеса: я прозревала совсем не в располагающей обстановке, некоторые ответы на вопросы звучали во мне сами, но после этого снова наступала темнота, и мне становилось еще хуже. Тогда я остро испытывала духовный голод. Однажды я оказалась в ситуации, выбраться из которой, казалось, было невозможно. В этот момент меня как будто кто-то подтолкнул обратиться к Богу. После усердной внутренней молитвы совершилось не просто чудо, а чудо необыкновенное, таинственное. Я не просто осталась жить, в диком звере я увидела человека, способного сострадать и любить. Приходила в себя долго. Ничего объяснить не могла, рассказывать не решалась, боялась, что не так могут понять. Все чаще стала задумываться о Боге. Моя семья в Бога не верила. Отец всегда посмеивался, а мама боялась сглаза и имела ложное представление о вере. Крестили меня в 16 лет. Раньше не было возможности. Папа был военный, налагался запрет. После крещения я в Храме не появлялась. Как-то все прошло мимо. Иногда, когда тучи сгущались над моей головой со страшной силой, приходила в храм, больше идти было некуда и бесполезно. Тяжело. Находясь в Храме, я ничего не видела и не слышала, только плакала. Потом уходила. В моей жизни появился человек. В нем я увидела брата, друга и отца, даже учителя. С его появлением все обрело смысл. Первый раз я почувствовала глубину отношений, раньше сокрытую от меня. Вместе мы стали планировать нашу жизнь. Мне было на редкость очень хорошо. Но со временем, чем чаще мы были вместе, тем сильнее я стала испытывать страх. Напряжение росло, сил не было. В один прекрасный день меня осенило, что мой друг психически нездоров. В этот момент меня снова, как раньше, кто-то подтолкнул обратиться к Богу. Бог явил мне Свою силу. Все чаще я встречала верующих людей. Стала ходить в Храм, но редко. Незаметно для меня возникали мысли о том, что когда-то мне придется остаться без родителей. Меня охватил кошмар. Я вдруг четко увидела свое недостойнство—у меня отсутствовала дочерняя любовь. Все глубже заглядывала в себя и все больше убеждалась, что грешна. Чувство вины меня не покидало. Я просила у Бога прощения, на которое надеялась. В ответ, при всем

недостойнстве, я почувствовала Любовь.

: Первая открытая миссионерская встреча в Огласительном училище при МВПХШ (январь 1994 года) /продолжение/

Миссионерство и катехизация

Начало встречи в N 22-23 Давид Гзгзян

Я хотел бы подхватить только что сказанные слова, высокие, прекрасные слова об этом чудесном даре свободы, которым наделен только человек. И этот дар по-настоящему ценит тот человек, который знает, от Кого этот дар ему достался, потому что тогда он переживает это как бесценное сокровище, и только тогда он знает, как этой свободой распорядиться. Бог есть и Свобода, но такая свобода, которую есть куда деть, потому что нам хорошо известно, что свобода как таковая может быть и проклятием, столь сильным, что человек жаждет от нее избавиться. Вспомним пророческие в этом смысле слова Достоевского. Каждый, наверное, согласится с тем, что мы входим в этот мир богатых возможностей, широчайшего поиска окрыленными, радостными, полными надежд на то, что поиск увенчается успехом, что мы серьезно и основательно войдем и утвердимся в том небесно-голубом, светлом мире, в котором мы по радостной, но непонятной причине очутились. И каждый согласится с тем, что со временем человек, если с ним ничего потрясающего не происходит, перестает ощущать себя носителем этой чудесной потенции. С годами он чувствует на своих плечах груз утраченных возможностей, нерешенных проблем, некоей нарастающей тоски от того, что он как-то не очень утвердился в этом мире, как-то не тем боком выехал, нехорошо подошел к той нише, которая ему как бы была уготована. Он переживает, что ему что-то было уготовано, а он туда не влезает, а время идет, и ниша эта ветшает, и скоро на него обломки посыплются. И тем не менее ведь никто не расстается с надеждой этот груз с себя сбросить, распрямиться, раскрепоститься, как-то реализовать свою свободу, интуицию, которую человек в себе несет. Человек ведь не перестает быть равнодушным к истине, к некоей высокой правильности—по правде ли он живет? И не случайны эти потрясающие слова Христа о Самом Себе: «Я есть Путь и Истина и Жизнь». И Его же слова: «Иго мое благо и бремя мое легко». Вот это свобода для чего-то, свобода, которую можно куда-то деть, свобода созидать бескорыстно, свобода узнавать в своем ближнем так же высоко одаренного человека, потрясающее в этом отношении существо. Эта свобода—тоже какое-то иго и какое-то бремя, потому что она обязывает что-то делать, открывать, переживать, мучиться, искать. Но это иго легкое, потому что эти поиски увенчиваются успехом, этот дар растет в человеке. Человек способен вдруг в самых, казалось бы, потаенных уголках собственной души, в своем ближнем, которого он уже сто лет знает, открывать нечто такое, чего он никогда не видел. Человек оказывается способным бескорыстно оценить то простое обстоятельство, что рядом кто-то есть и вот этот кто-то—талант в своем роде. Не завидовать ему, не раболепствовать перед талантом, а оценить и радоваться. От этого он становится сам талантливым, но при этом никогда не будет превозноситься. Мне хочется вам всем пожелать того, чтобы это равнодушие, которое есть в каждом из вас, вы не заглушали, чтобы вы продолжали верить в то, что от Бога, и попробовали довериться этому дару свободы, который есть у каждого из вас, довериться ради того, чтобы сбросить давящий груз, а принять иго, которое благо, и бремя, которое легко. Слово из зала Я не отношусь к членам братства «Сретение», но считаю себя его духовным членом, хотя я почти никогда не бываю там на службах. Когда-то очень давно был, когда храм был похож на

мастерскую. Это, наверное, как раз тот случай, о котором говорили братья, когда от избытка сердца говорят уста. Я хочу сказать о страданиях, поскольку мне приходится встречаться с людьми, которые страдают, и очень страдают. В основном, это больные дети. И есть колоссальная разница между теми детьми и их родителями, которые знают Бога, и теми, которые Его не знают. В этом мире есть страдания. Страдают все: верующие, неверующие, образованные, необразованные. Все, наверное, знают, что вместе с Господом на крестах были распяты два разбойника. Эти разбойники страдали, страшно страдали. Но один из разбойников исповедовал страждущего Бога. И мы с вами—эти разбойники. И наши дети тоже вместе с нами страдают. Я бы хотел вас попросить: если вы сами еще слабы, то подумайте о своих детях. Если вы сами слабы, то приходите ко Христу через ваших детей. Спасибо.

о.Георгий

Прежде чем мы перейдем ко второй части нашей встречи, я хочу сказать об одной очень важной вещи. Сегодняшняя встреча может иметь для вас продолжение, причем уже на другом уровне, не только общем, вступительном. Поиск духовного—всегда вещь драгоценная, это—то равнодушие, о котором говорил Давид Гзгзян. Поэтому вы можете продолжать свой поиск внутри сердца своего, в совести своей, в жизни своей, или придти еще через четыре месяца на такую же встречу, или не приходите, а как-то иначе определить ся, это ваше дело, дело вашей свободы, вашей жизни. Если вы не чувствуете в принципе диссонанса с тем, о чем здесь идет речь, а мы говорим именно о христианстве, а не вообще о духовном, потому что типов духовности и духов множество, если вы не чувствуете этого диссонанса, то стоит попробовать пойти дальше, а мы для тех, кто выберет этот путь, через две недели проведем следующую встречу здесь же. Единственное, о чем мы вас будем просить,—старайтесь никого больше не приглашать. Если же у вас будут какие-либо вопросы или кого-то уж очень надо привести, но вы сомневаетесь, стоит ли сейчас это делать, вы можете придти в храм Успения Богородицы в Печатниках по адресу Сретенка, дом 3, испросить благословение у меня. После второй встречи, если все будет благополучно, мы сможем начать целый цикл таких духовных встреч и бесед, очень важных и полезных. Встречи будут проходить дважды в месяц, и начнется ваша самостоятельная внутренняя и внешняя работа.

о. Георгий*

Конечно, мы с вами сегодня не всего могли коснуться. Это достаточно очевидно. Но мы говорили о том, что сейчас болит больше всего. Могу открыть вам маленькую тайну. Мы много лет регулярно проводим такие встречи, еще с тех времен, когда не было никакой возможности это делать не только открыто, но даже говорить об этом по телефону. И всегда невозможно готовиться к таким встречам, думать, что ты скажешь, потому что Бог действительно что-то открывает, что нужно сказать тем, кто сегодня собрался. Ведь мы большинство из вас прежде никогда не видели. Поэтому мы всегда верим Богу, Который дает сказать именно то, что говорится сейчас. И я надеюсь, что вам эта встреча что-то даст. По традиции обычно на ваши записки отвечаю я, но вы можете обращаться к каждому из выступавших, если у вас есть желание что-то обсудить с ними. Вопрос. Поясните, пожалуйста, еще раз о подставке другой щеки. Это многим не совсем понятно. Поясните и Ваше толкование о прощении подлости. Ответ. Я буду краток, потому что это все большие темы, а здесь много записок. Не исключено, что какой-то ответ может вас и не удовлетворить. Но если это произойдет, а вам все-таки хочется докопаться сейчас же до конца, то вы или подойдите, или поднимите руку, в общем как-то реагируйте. Итак, о подставлении другой щеки. Дело в том, что можно по-разному подставлять щеку. Можно это сделать из-за страха, из-за слабости, той самой капитуляции перед злом, о которой я говорил. И это вещь недостойная, во всяком случае она не высокого уровня. Это не то, к чему призывает Евангелие. Можно же подставлять другую щеку от

духовной силы, в расчете на то, что человек потеряет весь запал своего зла, увидев добро в другом, увидев его любовь, а не агрессивность в ответ на агрессию. Я думаю, что этого достаточно. Второй вопрос о прощении подлости. Что значит «подлость»? Это довольно широкое понятие. Можно его еще расширить, сказав о прощении всякого греха, или тяжелого греха, больших грехов, грехов против ближних. Очень трудно прощать большие грехи. Чем больше грех против вас или особенно против ваших близких, тем труднее прощать, и однако, такое прощение тоже может быть силой духовной, исправляющей силой. Собственно говоря, «простить» означает «исправить». Это старое церковнославянское слово—от слов «простой», «прямой». «Простить» значит «выпрямить» то, что искривлено душевно, духовно, физически—как угодно. Когда один человек прощает другого, он выправляет отношения с ним. Это очень важно понять. Это не просто оставить в покое человека, а позаботиться о его исправлении. Надо заботиться об исправлении, хотя делать это силой духа трудно. Вопрос . Часто человек является орудием Божьей воли. Как же в этом случае быть со свободной волей человека? Ответ . Дело в том, что когда речь идет о Боге, мы не можем забывать главного. «Где Дух Господень, там свобода»,—говорит нам Писание. Поэтому воля Божья должна приниматься свободой человека. Когда она идет ему на пользу и свобода Божьей воли сочетается со свободой человека, тогда будет результат. Но если даже благая Божья воля не принимается свободной волей человека, то внедрение этой воли будет насилием, а о насилии мы сегодня говорили, что оно неоправданно и недопустимо. Вопрос . Будьте добры, расскажите о посте и его роли. Ответ . Пост—это элемент христианской аскезы, это особая область духовной жизни, когда человек испытывает свою способность самоограничения через какое-то упражнение, проводя себя через какую-то контрольную ситуацию. Собственно «аскео» по-гречески означает «упражняюсь», и аскетика это то, что помогает человеку идти вперед в его духовной жизни по узкому пути. Вот и все. Пост—это элемент именно такого прохождения по узкому пути. Входит в этот путь и подвиг духовный, и душевный, и физический, поэтому это касается и пищи, и каких-то душевных усилий. Если человек не ест мяса, но рычит на всех, или шипит, или завидует, или злобится, или смотрит с вожделием, мол, вот, все едят, а я такой несчастный—не могу, то вы понимаете, какого качества этот пост. Пост всегда должен быть связан с духовным заданием, и этим он отличается от диеты. К сожалению, мы часто это путаем. В древности, например, пост был всегда связан еще с актами милосердия. Человек экономил на пище, ел простую пищу, а сэкономленные средства не перекладывал в другой карман, а отдавал бедным, нищим, т.е. занимался обычным милосердием, на которое вообще-то не хватает средств. Это было замечательно, и это так просто. Очень жалко, что такая традиция почти потеряна. Вопрос . Можно ли истинно верующему человеку садиться за стол без молитвы? Ответ . Что значит «без молитвы»? Имеется в виду определенная форма или все-таки дух? Сказано: непрестанно молитесь. Человек может делать все что угодно в духе молитвы, и это будет «с молитвой», а может выражать все молитвенные знаки и это не будет иметь никакого отношения к молитве. Так что хорошо молиться до еды, после еды, это очень важно, но все-таки надо помнить и о сути, чтобы это не превращалось в одну только голую форму. Вопрос . Господь сотворил этот мир, отдав Себя. Мне кажется, что все в этом мире—Бог, на все воля Божья. Почему христианство делит мир и человека на Бога и дьявола, на добро и зло? Разве Господь не властен над делами дьявола? Ответ . Дело в том, что есть очень важное откровение, говорящее о Самом Боге изнутри, положение, которое трудно доказать, но с которым вы все сразу согласитесь: «Бог зла не творит». Поэтому Он, конечно, над всей землей. Но зло против Бога—это не Царство Бога, это царство мира сего, лежащего во зле, поэтому приходится, к большому сожалению, различать и разделять добро и зло. Приходится, хотя изначально такого не было, и известно, что в нормальном случае так не должно быть и не будет. Это большой вопрос, и я сейчас ограничусь кратким ответом. Об этом мы не однажды еще будем говорить. Вопрос . Должно ли быть добро «с кулаками»? Как добро должно бороться со злом? Современным миром правит зло. Добро находится на задворках, так ли это? Ответ . Зло, как я только что сказал, правит миром сим, лежащим во зле, миром падшим, который не есть

мир Божий, потому что в нем есть зло, в нем есть смешение добра и зла, и очень часто зло внешне находится в центре. Действительно, это так. А добро, как известно, в сундуке лежит, «на задворках», как вы написали, а зло-то по дорожке бежит. Это закон мира сего. Для нас с вами в центре находится добро, в самом эпицентре—Бог, в самой глубине—Бог. А все, что дальше от Бога, то более провинциально, все более провинциально, потому что дальше от центра. Как бороться со злом? С какими «кулаками»? То, что добро должно быть силой,—бесспорно. Но вот какой силой? Силой нагайки или силой духа, силой добра? Вот в чем вопрос. Некоторые считают, что добро должно побеждать, но с помощью маленькой нагаечки. Мы так не считаем. Хотя, увы, приходится иногда, как ни странно, спорить с православными же людьми на эту тему. Это очень странно, но, увы, факт нашей современной жизни. Вопрос . Почему мы крестимся справа налево? Ответ . Есть традиции, и эти традиции созданы духовной жизнью. Есть образ Креста, потому что сила Креста есть сила знака любви и силы любви Божией, трагической судьбы любви в этом мире. И для нас важен этот образ, потому что он нам прибавляет этой силы, если мы открыты любви Христовой. А справа налево или слева направо—дело традиции. Как известно, есть церковные традиции, где этот знак креста люди по-другому изображают на себе. В древности было и по-третьему, и по-пятому, и по-десятому. В разные века в разных христианских странах это было очень по-разному. Сегодня мы знаем, что в нашей церкви есть такая традиция и мы следуем ей, но мы, естественно, не считаем еретической другую традицию, старообрядческую, допустим, или ту, которая была у нас на Руси до середины XVII века, или довизантийскую, когда крест накладывали одним пальцем на лбу. Важно, чтобы смысл был тот же и дух был тот же, а пусть дух творит себе разные формы. Может быть свобода и форм. Другое дело, что мы должны помнить о том, что иногда одна и та же форма порождается разными духами или заполняется разными духами. И тут нужно быть осторожным. Помните, знаменитый атеистический трюк, когда человек где-нибудь в кинофильме прежде, чем пойти на убийство, крестился, чтобы Бог ему помог. Это как раз такой, хотя и не жизненный, пример того, что одна и та же форма может быть наполнена разным содержанием. Вопрос . У меня есть знакомый наркоман, и говорят, что в этом случае нужно молиться св. Вонифатию. К сожалению, в моей церкви нет иконы этого святого. К какой иконе лучше поставить свечи за его здоровье? Ответ А.М.Копировского. Уже две вещи как бы перекрещиваются. Одна относится к народному суеверию. Вы, наверное, слышали о таких таблицах, где говорится, какому святому при каких проблемах молиться. Насколько я слышал из этой области, св. Вонифатию молятся от запоя. Правда, я не знаю, насколько успешно. В этой записке действительно слышится глубокая трагедия и боль за человека. Но никогда не ищите внешнего легкого ключика. Действенно молиться святому великомученику Вонифатию в таких случаях может очень простой народ, и по вере будет ему. Но современному человеку не надо так опрощаться. Не надо осуждать тех, кто молится святому Вонифатию от запоя, но не надо и этому уподобляться. Прежде всего нужно самим приблизиться к Богу, тогда вы будете знать, как помочь человеку в беде. Вопрос . Что есть лик Божий? Ответ . Если под ликом подразумевается образ, а скорее всего вопрос об этом, то это может быть и человек как живая икона Бога. Это может быть и какая-то иная икона. Все, в чем отображается Бог, имеет отношение к этому лику. Есть и более глубокие мистические вещи, я сейчас их касаться не буду. Вопрос . Как в этой юдоли плача и вздыхания образовать домашнюю церковь? Ответ . Образуйте. Женитесь и будьте верными Богу, и живите открытой и полной духовной жизнью. Вопрос . Наследуется ли грех? Ответ . Наследуется предрасположенность ко греху, так же как болезнь, предрасположенность к болезни. Вопрос . Бывает ли так, что то, что считается грехом, на самом деле им не является? Ответ . Думаю, что бывает. Довольно часто, когда люди начинают обвинять друг друга в каких-то грехах, а на самом деле они никакого отношения к греху не имеют. Это обвинение основано или на недоразумении, или на суеверии. Я приведу немного смешной пример. Когда я еще дьяконом служил на одном приходе, там считалось, что если человек, подойдя к храму, прежде чем войти в него, не обойдет его три раза вокруг, то это большой грех. Я, человек немощный, считал, что никакого греха не будет, если его три раза

вокруг не обходить. Вы понимаете, что такой пример почти смешной, но он из жизни. Бывают менее смешные примеры или более—что же делать? Сейчас мы все это не охватим. Есть, к слову говоря, сложные случаи, спорные случаи. Например, если все католики и православные всегда считают аборт грехом, грехом убийства, то, допустим, к контрацепции отношения разные у католиков и православных. Католики отрицают ее совершенно, а православные иногда допускают, но не благословляют. Вопрос . Как быть, если не можешь раскаяться в грехе—говорить о нем на исповеди или нет? Ответ . Мы сейчас с вами о таинствах не говорим, но исповедь не будет исповедью, если человек не будет на ней исповедоваться. А не признаться в грехе,—это значит не исповедоваться, потому что «исповедь» в точном смысле этого слова есть «признание». Человек должен на исповеди исповедоваться, т.е. признаться в грехах, потом раскаяться. Раскаяться—значит изменить свою жизнь, в чем человеку и помогает священник. Если человек не знает своего греха, это может быть невольный грех. К сожалению, мы не знаем всех своих грехов, и в этом наша большая, очень большая беда. Чем глубже и тоньше, и опытнее человек духовно, тем лучше он знает свои грехи. Человек неопытный вообще считает, что он не очень-то и грешен. Он никогда не убивал, кажется, и не прелюбодействовал, кажется. Очень трудно бывает с людьми разговаривать на исповеди. А человек, немножко опытный духовно, знает уйму грехов за собою. И чем он дальше идет, тем он как бы выше становится и ему дальше видно, как с горочки. Это очень важный признак духовной зрелости человека. Пока человек не знает своих грехов, его назвать духовно опытным просто нельзя, он еще, в плохом смысле, как ребенок. Вопрос . Разрешен ли церковью брак между разведенными мужчиной и женщиной, бывшими в гражданском браке? Ответ . Можно подумать, что если церковь сейчас скажет «не разрешен», то это очень многое изменит в вашей жизни. На сегодняшний день—не очень многое. Церковь утверждает очень серьезно, что брак—один-единственный, и двух браков не бывает, как не бывает двух крещений человека. Обряды можно совершать и по десять раз, но таинство не может совершаться дважды, трижды, так же как не может человек физически родиться в этот мир дважды, трижды. Он однажды рождается, но бывает, например, смерть летаргическая, и вот человек как бы воскрес, как бы родился заново, но все-таки мы говорим «как бы». Так и здесь. Разводы приходится часто допускать по разным обстоятельствам, но все равно, повторяю, брак один. А где он, этот один, это уже надо конкретно смотреть. Вопрос . Можно ли пользоваться Библией, изданной Лютеранской церковью, если нет, то почему? Ответ . Пожалуйста, пользуйтесь этой Библией, только помните, что она неполная. Есть полное издание Библии, есть—неполное. Там, где есть неканонические книги в составе Ветхого Завета, а это одиннадцать книг, то такая Библия полная, а где их нет, то Библия неполная. Все остальные канонические книги в ней на месте, и они не испорчены. Лютеране—народ достаточно серьезный, и они никогда портить текст Священного писания не будут. Вопрос . Как относится Православная церковь к протопопу Аввакуму? Ответ . Когда я читаю такие вопросы, мне всегда хочется ответить одно и то же: с любовью. И это всерьез. Что бы ни было в истории, Православная церковь относится к этому с любовью. А вот то, что он, его окружение и люди, которые с ним боролись, не всегда друг к другу относились с любовью—это факт, и факт печальный. В чем суть его бунта, какое содержание стояло за изменением церковного обряда? В основе его бунта очень тяжелый клубок разных вещей, явных и неявных. Не все сводится к обрядам—в этом смысле современные старообрядцы правы: нельзя все к обрядам сводить. Но обряду тоже нужно придавать значение, серьезное духовное значение. И мы здесь с ними согласны. Обряд не должен быть плодом человеческого произвола. Многообразие форм мы можем признавать, и мы здесь большой акцент ставим на свободе духовной. В том течении в Православии, которое мы называем старообрядчеством, может быть, при всей глубокой серьезности отношения к формам почитания, иногда не хватает этого Духа свободы. Но зато среди православных, среди нас, можно, к сожалению, иногда найти не очень серьезные отношения к форме, обряду. Так что тут надо найти какое-то динамическое равновесие, а это непросто. Вообще здесь большая проблема, и в двух словах ничего не скажешь. Этот клубок до сих пор стараются размотать

историки, богословы, психологи, литературоведы. Вопрос . «Не сотвори себе кумира и никакого изображения...» Как согласуется это с поклонением иконам? Не является ли почитание некоторых чудотворных икон идолопоклонством? Это вопрос моего сына. Ответ . Я вам отвечу от противного. Вы так и скажите своему сыну, я думаю, что ему этого вполне будет достаточно: может ли он себе помыслить, что какой-нибудь, даже очень дремучий, православный человек, если он имеет в красном углу пять икон, поклоняется пяти богам и он повинен в пятибожии? А если у него семь икон, то—в семибожии? Я думаю, этого вполне достаточно, чтобы образумить всякого спрашивающего об идолопоклонстве человека. Другое дело, что форма иконопочитания—тоже вещь тонкая, иногда сюда примешиваются суеверие или магическое отношение к иконам. Это бывает сейчас редко, но бывает. Раньше значительно чаще в народе было. Но, впрочем, сейчас может быть обратная проблема—слишком равнодушны люди к той духовной красоте и правде, которая есть в иконе, к тому вдохновению красоты и правды, которое открывается в ней. Об этом надо только жалеть, что нередко люди протестантствующие к иконам относятся совершенно формально и холодно, что говорит о формальности и холодности в душах человеческих. Вопрос . «Если дом окажется достоин этого, то снизойдет на него мир, если не будет он достоин, то мир ваш возвратится к вам». В каком смысле употреблено здесь слово «мир»? Ответ . Как дух, не в смысле мира объективного, природы, а в смысле духа мира, определенного состояния духовного. Мир—это одно из имен Божиих. Бог нам дает мир, и человек мирный—это человек от Бога. Вопрос . Мой сын трагически погиб, не успев принять крещение, хотя уже сознательно был к этому подготовлен. В одной из церквей у меня даже не приняли записки о поминовении, заявив, что он в аду. Изучая Библию, я не нашла, что за несовершенство обряда Бог отправляет человека прямо в ад, не обращая внимания на дела его при жизни. Насколько это верно? Я сомневаюсь в этом. Ответ . Правильно делаете, что сомневаетесь. Более того, могу сразу сказать: молитесь за него. В церкви есть важнейшее правило, фундаментальное, о котором, к сожалению, очень многие, особенно недавно пришедшие в церковь, забывают: «Церковь не предвосхищает суда Божьего», и еще: «внешних судит Бог». Церковь может, и то отчасти, в свою меру, говорить только о своих членах, а когда от имени Церкви начинают говорить о других, да еще сразу посылать в ад,—это, прости Господи, грех, и большой грех. Это рана не только в живой душе живого человека, это еще хуже. Вопрос . Я пережила несколько очень больших несчастий и сейчас, став верующей, почувствовала какую-то обиду на Бога: за что мне это было? Я понимаю, что так более думать нельзя, но чувство обиды не исчезает. Что мне делать? Чувствуют ли такое другие? Ответ . Да, чувствуют люди, это в списках грехов на исповеди называется ропотом на Бога. И, конечно, ропот на Бога никогда внутренне не оправдан, не потому что это стоит в списке грехов, а по сути дела. Ваш вопрос говорит о том, что вы еще не очень вгляделись в тайну Креста Христова, вы забыли о судьбе Распятого. Вопрос . Бог всеведущ, Он знает все. Значит ли это, что Он знал о грехопадении Адама и Евы и о том зле, которое вышло в мир с грехом? Неужели акт свободы воли человека был важнее зла, вышедшего в мир? Ответ . Вопрос о добре и зле—это, конечно, один из вечных вопросов, и двумя словами никак не ответить, даже если бы мы знали все об этой тайне. Свобода человека—это не только свобода воли. Это нечто большее, чем свобода выбора, свобода душевная, свобода воли. Если лишить человека свободы, то он уже не человек, он животное, и он умрет, ведь человек не может стать животным. Свобода—это такое свойство, которое входит в тот образ Божий, о котором мы с вами говорили. Если лишить человека образа Божия, он умирает, он не жилец вовсе. Я думаю, остальное здесь все ясно. Вопрос . Если Ветхий завет признается Православием, то как объяснить жестокость Бога в уничтожении народов неправославных? Ответ . Вопрос немножко смешной по той простой причине, что в Библии ничего о неправославных народах не говорится. Я примерно могу представить себе, о чем человек хотел сказать, только выразился вот так несколько специфично. Но думаю, что коли уж человек так выражается, то ему стоит подождать и почитать Библию. Речь идет действительно о Ветхом завете, где есть очень жесткие приказы Бога в отношении окружающих Израиль народов. И это иногда смущает. Но я

хочу вам привести другой пример. А почему вас не смущает заповедь «не убий»? Ведь в Библии говорится, что кто убьет, тот должен сам тут же быть побит камнями до смерти, так же и тот, кто прелюбодействует. Есть целый набор смертных грехов, т. е. грехов, за которые сразу положена смерть. Вы же признаете заповедь «не убий», вы же не говорите, что Тот, Кто сказал «не убий», жесток. Вы скорее справедливо думаете, что наоборот, ограничение звериных, садистских инстинктов в человеке есть вещь добрая, что закон добр и, значит, Законодатель добр. Но никогда не забывайте, что за всяким законом следует вот такое продолжение, ведь такова природа всякого закона. Ну вот, пошла теперь вторая партия вопросов, не касающихся Православия. Вопрос . Как Вы относитесь к различным системам оздоровления? Какие из них приемлемы? Ответ . Таких систем миллион. Сколько учителей, столько и систем, хотя все они вокруг одного и того же и все похожи одна на другую, и все достаточно синкретичны. Что значит «оздоровление»? Не оздоровление плохо, а то, что предполагается возможность самолечения, самооздоровления, что, с одной стороны, привлекает, потому что люди изверились во врачах, ибо не помогают врачи. С другой стороны, это «само» есть знак забвения Бога, и вот это страшно. Не то плохо, что человек семечки кушает или только отдельно питается, или что-то еще подобное делает. А то плохо, что он забывает о Боге. Можно ходить босиком, обливаться холодной водой или жариться на солнце, я не знаю, что вам нравится. Есть, конечно, во всем этом что-то органичное, но только для плоти. А человек—не только плоть, и он этой органичностью не ограничивается, и значит, нужно ему думать и о Боге, помнить, что Бог—Целитель. Вот это важно, т. е. важно все ставить на свои места. Вопрос . Расскажите о западных миссионерах, проповедниках, в частности, Московской церкви Христа, о пользе или вреде их проповедей. Ответ . Я никогда не был в Московской церкви Христа, мне трудно говорить о пользе или вреде их проповедей. На мой взгляд, это движение немножко с молодежным акцентом, с соответствующими ритмами, движениями, раскачкой. Просто оно трансформируется во что-то другое, такое же протестантское, и не может выжить само по себе. Но там живые люди, которые от атеизма уходили, искали Бога, искали Христа, искали адекватного выражения своей веры. И, к сожалению, мы должны здесь о себе сказать не очень лестно: в Православии они это не всегда находили. Боюсь, что немножко в этом виноваты мы сами. Я должен вам это сказать с большой печалью. Не находили не потому, что православная традиция узка, а потому, что люди боятся ее использовать в полном объеме, а берут только лишь самое поверхностное. Вопрос . Как Вы относитесь к экстрасенсорике? Можно ли делать благо—лечить людей? Ответ . Ради Бога, и ближнего надо лечить, и дальнего. Есть даже такое повеление в Евангелии. Почему это связано именно с экстрасенсорикой—мне не понятно. Лечить можно очень по-разному. Только что говорили о системах оздоровления, там лечатся другими способами. Почему вот обязательно что-то «экстра» должно быть? Этого я не понимаю. У каждого человека есть что-то «экстра» в загарнике, но почему нужно акцентировать именно это? Я с уважением отношусь к тому мнению, что если уж Бог и природа наша что-то спрятала куда-то подальше, то не надо спешить все это вытаскивать на Божий свет—пригодится не сейчас, так попозже. Но вообще я считаю, что в серьезном смысле слова экстрасенсами являются все люди, потому что у всех есть что-то «экстра», в т. ч. в области чувств и чувствительности. Вопрос . Я могу, или вернее, хочу помочь людям, т. е. лечить их. Почему церковь запрещает помогать людям, говоря при этом, что во мне сатана? Ответ . Вы понимаете, для того, чтобы сказать «сатана» или «не сатана», мало знать—лечит человек или калечит. Можно калечить и таблетками и другими средствами, в том числе и вообще ничегонеделанием. Надо в этом разбираться. Сатана не там, где какие-то методы, а там, где дух зла. Я против ярлыков всякого рода. Любой ярлык никогда не оправдывается. Опыт говорит, что как только есть желание навешивать ярлыки, всегда за этим следует что-то странное, если не греховное. Вопрос . Как Вы относитесь к движению Сёко Асахары, которое, как утверждают пропагандисты этого движения, не противоречит христианству? (Смех в зале.) Ответ . Реакция зала настолько хороший ответ на этот вопрос, что нечего здесь и говорить. Конечно, как только посмотришь на этого «нового Христа», то, мне кажется, все вопросы отпадают автоматически.

Только очень печально, что, имея деньги, можно так оболванивать наше общество. Люди ничего действительно серьезного, действительно глубокого не слышат, а слушают чуть ли не каждый день эту «музыку». Вопрос . Хожу на занятия в школу йоги от академии йоги, ул. Чернышевского, 25, для здоровья, духовного самосовершенствования. Приводит ли этот путь к Богу? Там даются оккультные знания. Ответ . Есть суждение, что улица Чернышевского никого никуда еще не приводила. Но я полагаю, что вообще дело не в этом. Улицу можно и поменять. Здесь Вы сами все четко написали: Вы ходите в академию йоги для здоровья и духовного самосовершенствования. Куда Вы ходите, туда Вы и приходите. Ну будьте же серьезнее в конце концов, дорогие братья и сестры! Если Вы пишете, для чего Вы ходите, значит, Вы четко обозначаете цель: если для здоровья, то Вы и приходите к тому или иному виду здоровья. Но причем здесь Бог? Вопрос . В начале развития христианства признавалось перевоплощение души. Действительно ли это так? Как сейчас к этому относится церковь? Ответ. Так же, как и всегда. Заверяю Вас совершенно ответственно. А вот что в начале было по-другому—это миф, теософский по происхождению. Действительно миф, не соответствующий исторической правде. Дело в том, что были отдельные деятели христианства, которые признавали перевоплощение, а точнее даже не перевоплощение, а как Ориген предсуществование душ, что не одно и то же. Но никогда это не было поддержано церковью, и для этого учения нет никаких оснований в Священном писании ни Ветхого, ни Нового Завета. Вопрос . Каково Ваше отношение к теодицее Лейбница? «Если Бог всемогущ, то Он не всеблаг, если Он всеблаг, то не всемогущ». Ответ . Вопрос о теодицее—серьезный вопрос, так же как вопрос об антроподицее. Бердяев считал, что вопрос о теодицее разрешается через антроподицею. Это серьезный вопрос. Тот, кто написал эту записку, подойдите, и мы поговорим лично. Я думаю, что рассуждать сейчас на эту тему при всех было бы излишне. Вопрос . Как Вы относитесь к учению Толстого о непротивлении злу насилием? Ответ . Я сегодня об этом уже говорил, имея в виду и Льва Толстого. Ведь реакция общества вообще на всякое самосовершенствование, проповеданное Толстым, и на непротивление злу силою—это не случайная реакция. Люди очень увлекались его учением, но вышло так, что сейчас, после Толстого в огромной степени, говорить о нравственном совершенствовании практически невозможно. Это набивает оскомину за полминуты. Я считаю, что это очень печально. Вообще о нравственности в наше время говорить крайне трудно. Я очень чту Толстого и отнюдь не считаю, что он там где-то в аду мучается, и тем не менее тут он провалился и, увы, с собой увлек многих. Вопрос . Может ли крещеный в христианской церкви войти в Православие? Ответ. Немножко непонятно, что подразумевается под «христианской церковью». Войти в Православие может любой человек, потому что Православие есть, как мы договорились с вами с самого начала, то, что мы отождествляем с христианством, если мы под Православием имеем в виду не только восточно-христианскую или русскую христианскую традицию. Исключить из христианства эту традицию невозможно, слава Богу. Так что войти в Православие, конечно, можно. Вот как и что нужно, нужно ли что-то вообще или не нужно—об этом уже надо говорить конкретно, лично. Вопрос . Угодны ли Православию основные положения Вочмана Ни и Уитнесса Ли? Ответ. Книги Вочмана Ни и Уитнесса Ли не помню, читал или не читал, но какие-то основные положения, о которых Вы пишете, просто общехристианские. Это в общем-то катехизическая литература, литература для начинающих христианскую жизнь. Это не значит, что она примитивна, так что основные положения, конечно, общие, потому что они основаны на Писании. Что-то является их частным мнением, с чем-то можно не соглашаться, но все-таки из протестантских авторов эти авторы не худшие. Полагаю, что не лучшие, но и не худшие. Вопрос . Можно ли, крестившись в григорианской вере, служить службы в православных храмах и применять все православные истины этой веры? Ответ. Под григорианской верой здесь, видимо, подразумевается армянская апостольская церковь. Известно, что вера этой церкви православная, об этом засвидетельствовали православные представители всех православных церквей. Было не так давно совещание, и думаю, что существенных различий по духу нет. По форме, по традициям—конечно, есть. Понятно, что

каждая церковь, древняя церковь имеет эти традиции. Это богатство Православия. Мне, например, очень нравятся и обряды, и традиции сирийской церкви, сирийско-армянская традиция очень интересная, очень важная для нас. Поэтому меня не удивляют все чаще и чаще появляющиеся в печати, в резолюциях православных молодежных съездов требования к иерархии об ускорении процесса объединения восточных церквей, так называемых древних восточных церквей и православных церквей греческой традиции (к ним относится и русская церковь). Так что не случайно и у нас часто крестятся и причащаются армяне, которые не чувствуют никакой разницы между русской и армянской церковью. Живут в России и причащаются в русской церкви, поедут в Армению—будут причащаться в армянской церкви. И хотя здесь есть некоторые психологические, национальные и еще какие-то особенности и проблемы, все-таки они, на мой взгляд, не таковы, чтобы можно было говорить о них в традиции исторического противостояния, вражды, взаимных обвинений в ереси и т. д. Это плод исторического недоразумения, идущего еще с V века. Слава Богу, к нашему времени оно себя исчерпывает или даже уже исчерпало.

Вопрос . Как Вы относитесь к книгам Клайва Льюиса? Ответ . Хорошо отношусь. Какие-то из них мне очень нравятся, какие-то нравятся менее. Очень нравится «Размышление о псалмах», например. Считаю, что это его лучшая книга.

Вопрос . Как Вы объясняете слова Господа Иисуса Христа: «Много званых, а мало избранных»? Не значит ли это, что нужно более глубоко понимать заповеди и закон Божий? Библия говорит, что к концу света будет как бы расцвет веры в Бога, но когда придет Иисус Христос, то Он почти не найдет истинно верующих. Ответ . Действительно, все так и написано—избранных мало. Дело не только в глубоком понимании заповедей и закона. Естественно, Евангелие никогда не ограничивается законом и заповедями, всегда идет дальше. Суть Евангелия в личности Христа, вот об этом никогда не забывайте. Когда Вы хотите толковать любые евангельские слова, помните об этом.

Вопрос . Как соотносятся заповедь «не убий» и многочисленные дуэли в XIX веке среди христиан? Сейчас годовщина со дня смерти А.С. Пушкина. Ответ . Да, конечно, это все очень трудно согласуется, я с Вами согласен. И тем не менее надо помнить и о другом—это был, с одной стороны, компромисс, а с другой,—защита чести. Если сейчас мы посмотрим вокруг, то увидим, что честь человека ничто не защищает. Нам есть о чем подумать. Я не призываю вас вызывать друг друга на дуэль, а призываю всех подумать всерьез об этом, потому что о чести вообще не принято говорить—ни о женской, ни о мужской, ни о какой вообще. И вот это бесчестие и нечестие—страшные явления нашего времени, и то, что защитить честь практически невозможно никакими, повторяю, средствами—это страшно.

Вопрос . В Православии считается ересью католицизм и протестантство. Вы считаете их просто одной из форм? Ответ . Нет, я не считаю одной из форм. У нас, к сожалению, есть существенные различия с католическим учением и учением протестантских церквей. Они не лежат на поверхности, они не являются тем, с чем может сталкиваться человек в первые годы своей духовной жизни. Поэтому часто люди, начиная христианскую жизнь, вообще не чувствуют никакой разницы. Я их очень понимаю, но если они пойдут глубже, то натолкнутся на вещи, более тонкие и, увы, противоречивые. Вот поэтому надо с большим покаянием и горечью сказать, что в этом виноваты все в истории, в том числе и православные. Между нами существуют принципиальные различия, хотя их часто и преувеличивают.

Вопрос . Противоречат ли занятия йогой и оккультизмом Православию? Ответ . Мы сегодня уже говорили о йоге, об оккультизме и Православии. Надо знать, что и йога, и оккультизм—это всегда обозначение религиозных или духовных учений, это не набор упражнений, и, следовательно, вы доходите в йоге до медитаций каких-то, аутотренингов и каких-то других вещей. А каждый знает, что человек в это упирается очень-очень быстро, если он начинает заниматься даже простой йогой. Тогда вы, естественно, входите в сферу просто другой религии, живете другой религиозной жизнью. Это серьезно. Правда, это не всегда очень серьезно, не надо преувеличивать. Нам приходится очень часто сталкиваться с людьми, которые в жизни чего только не проходили. Миша Егориков хорошо сказал—секция духовного единоборства. Не всегда человек глубоко уходит, и поэтому он не чувствует больших проблем.

Но бывают очень большие проблемы, и об этой опасности не надо никому никогда забывать. Вопрос . Возможно ли идти по пути оглашения до достижения 21 года, если чувствуешь, что это нужно и что без этого не мыслишь более своего существования? Ответ . Проблемы молодости понятны. Это я поясню всем собравшимся. Дело в том, что в нашем Огласительном училище, которое проводит катехизацию в течение года уже 15 лет, в каждую группу мы стараемся брать людей, начиная с 21 года. Но вы видите, хотя здесь и много молодежи, все-таки, наверное, найдется не очень много людей в возрасте до 21 года. Мы считаем, что катехизация—дело взрослое. Не потому, что тот, кто помоложе, меньше понимает. Нет, он может понимать даже больше. Но у человека более молодого часто еще какие-то розовые очки, он еще не имеет достаточного негативного опыта в своей жизни, и поэтому еще не очень крепко отталкивается от каких-то вещей, от тех путей, по которым ходить не надо. Оглашение таких людей умственно проходит часто ничем не хуже. Даже и в 15 лет можно оглашаться, но духовно и нравственно. Как правило, происходит так, что наступает определенный возраст, те же 21–23 года, и человек говорит: «А я хочу еще раз оглашаться». Исходя из этого опыта мы и установили этот возраст, что, конечно, не очень жестко, но связано с опытом, т. е. надо, чтобы человек мог эффективно использовать это время. Но существуют какие-то элементы оглашения, какие-то другие системы для людей более молодых, и они есть у нас, в наших школах, так что если кто-то почувствует, что ему сейчас еще не надо идти на оглашение, но все-таки нельзя ждать несколько лет, то пусть подойдет к Александру Михайловичу Копировскому, который как раз и занимается молодежью в возрасте от 15 до 20 лет. Вопрос . У меня есть желание пройти путь оглашения. Скажите, когда у вас набор? Ответ . Как раз сейчас. То, что мы здесь делаем,—это то начало, когда Вы можете естественно войти в систему оглашения—без натяжек, без проблем, без гонок каких-то, без духовных пробелов. Это мы делаем три раза в год. Сейчас и будет такая возможность для Вас, если Вы желаете этот путь пройти. Вопрос . Что общего между выражением «бежит, кричит, как оглашенный» и оглашением? Ответ . Это связано с историей. Есть один элемент в богослужении, когда дьякон выходит и громко говорит совершенно непонятную никому фразу, за которой обычно ничего не следует: «Изыдите, оглашенные, изыдите!» Громко, четко и ясно. Люди пугаются, думая: «Что же это такое делается-то?» Значит, где-то бегут оглашенные. Ну, это исторический курьез. В древней церкви действительно стояли оглашаемые, которые в определенном месте службы, после этих слов, должны были покинуть храм, потому что они не могли участвовать в таинствах. В древности крестили в основном взрослых, и поэтому оглашаемые были всегда взрослые, все они были некрещеными. В наше время, когда очень часто крестят детей, но без всякого воцерковления, к большому сожалению, без какого-либо научения вере, приходится часто иметь дело с оглашаемыми, которые уже крещены. До VI века это было немыслимо именно потому, что тогда крестили в основном взрослых. У нас в храме после слов «изыдите, оглашенные, изыдите!» оглашаемые, даже крещеные, те, кто не причащается за данной службой, спокойно уходят. Вопрос . Расскажите, пожалуйста, о порядке воцерковления. Мне говорили, что после общей лекции начинают работать группы с катехизаторами. Какой порядок службы в храме? Ответ . Да, действительно, после сегодняшней общей встречи у нас будет еще одна общая встреча, потому что народу очень много, и я уверен, что за две недели у вас накопятся вопросы. Только еще раз прошу вас, не приводите новых людей. Пусть они подождут, уж коли не смогли сегодня придти. Но пусть они ходят в храм, читают Евангелие и, может быть, еще что-то полезное делают, не теряя времени. Мы просто не в состоянии будем тогда принять всех желающих. После следующей общей встречи, когда мы ответим на ваши вопросы и расскажем о том, что вам надо делать, в чем заключается оглашение как духовный процесс, определенный этап духовной жизни, будет еще одна общая встреча в храме, где я расскажу, какие вам нужны для этого книжки, расскажу и о самом храме, потому что современный человек очень часто боится храма. Ему придти в храм очень трудно, он боится что-то нарушить, боится, что ему там скажут что-то неприятное, или боится еще чего-то. Чтобы у вас не возникало таких проблем, мы вам все просто расскажем, что вам надо знать сейчас,

начиная ходить в храм. Это очень важно и очень интересно. Но это уже будет в самом храме. После таких трех общих встреч начнутся встречи в группах, небольших, до 20 человек, с катехизаторами. Вы будете что-то делать сами, потом приходите, задавать вопросы, участвовать в каких-то беседах. Обычно встречи проводятся в будни по вечерам, хотя возможны и утренние группы. Это будет видно уже тогда, когда мы будем делиться на группы. А сегодня на этом закончим. С Богом! Храни вас Господь!

Епископ Таврический Михаил (Грибановский): Письма

Богословие и философия

ДОРОГОЙ О. АНТОНИЙ! Ваше письмо воистину меня тронуло, но что я Вам напишу? Прежде всего, Вы уже знаете, что я всегда делал бы руководствоваться только своими душевными настроениями в согласии со своей совестью, Христом и Церковью.

Рост моей души и рост других душ для меня главное: всякие частные, хотя бы и грандиозные практические цели для меня важны постольку, поскольку они вытекают органически из возвышенного настроения роста в Бога.

Я не стану даже называть это своим теоретическим взглядом. Это просто требование моего духа. Я опять употребляю здесь нелюбимое Вами слово: иначе я не могу. Совесть и сердце одобряют это, говоря: ты и не должен иначе...

Заботясь, главное, об единении с Богом и со Христом, стараясь постоянно об одном, как бы под благодатью Христа гармонически развивать свою душу и беречь свое настроение в сношениях с людьми, желая только и в них возбудить хоть искру любви к Богу, я на все частное решительно не могу обращать полного внимания.

Задаться целью написать скорее магистерское я не в состоянии. Односторонне погрузиться в теорию, отвлечь свое внимание от процесса божественной жизни, совершающейся во мне, отвернуться от людей, жаждущих Бога,—и все это ради неизвестно чего... А затем скомкать диссертацию, выйти защищать ее против совести, спешить и волноваться ради частной и сомнительно-полезной цели—для меня невыносимо и невозможно.

Я окончательно хочу жить ради Бога, Который открывается внутри, жить во что бы то ни стало, не сворачивая ни вправо, ни влево. Ради этого сейчас приходится пожертвовать академией,—и с радостью жертвую. Придется после пожертвовать и еще чем-нибудь—и все с восторгом брошу, но свой мир и своего Бога не променяю ни на что.

Вы говорите: какие планы у меня? Собственно никаких. Я не знаю, что будет дальше... Бог покажет. Только бы не изменять себе и Ему... Вы спрашиваете, какие же наши планы ближайшие и отдаленные?

Дорогой о. Антоний, что дуто, то непрочно. Тормозишь, суетишься и чувствуешь, что двигаешь мертвые тела. Наэлектризовать их можно, но стоит ли это делать? Нужно воскрешать, но на это нет сил: сам мертв. И вот это сознание, это ощущение заставляет с иронией относиться ко все затеям, пока они затеи, то есть пока они не вырастут сами из свободного одушевления людей под влиянием личности, вдохновленной Христом... Вы понимаете, о чем я говорю. Нужно не строить, а создавать. А создавать может только тот, кто всецело во Христе, чьи взоры

неподвижны и чье сердце неизменно, в ком нет и тени самолюбия, славолюбия и человекоугодия...

Я, конечно, этим нимало не возражаю против Ваших планов. Вы верите в свои практические силы, и, следовательно, делаете все, что возможно, и это будет по совести. Я могу только от всей души радоваться и вместе с Вами торжествовать. Может быть придется когда-нибудь быть и участником в Ваших планах, ради моей глубочайшей любви к Вам. Но самостоятельно идти по этому пути я не могу. Это смешно и грешно. Залезать в чужую шкуру для меня бесполезно, а для внутренней жизни безусловно вредно.

Я обязан, я должен идти по внутреннему пути, а внешний мой путь пусть определяется Богом, сообразно обстоятельствам. Это не мое дело. Назначат ректором—пойду. И там буду блюсти себя и работать Богу без компромисса, даже самого малейшего. Нельзя служить—уйду. Вот моя политика. Это не будет пассивностью. Напротив, если я сознаю, что то или другое назначение будет вредить или моему физическому или психическому здоровью,—я не пойду. Я повинуюсь Богу. Он куда-то ведет меня. Он говорит мне в той гармонии духа, которую я ощущаю в себе. И что нарушает ее, то безусловно—грех.

То, что Вы сейчас называете непослушанием, отказ писать магистерское—то, что другие могут назвать ленью и расслаблением,—то для меня просто нравственная необходимость не оскорблять внутренней святости никакой спешностью, деланностью, сделкою...

Я не бегу из академии, но, чтобы остаться в ней, спешить с сочинением и изменять совести и настроению—этого я не смею и не могу. Если бы без этого, я с радостью остался бы здесь: мне здесь прекрасно. Правда, климат худ, но по своему оптимизму я и это перенес бы как-нибудь. Но раз приходится уходить, чтобы не изменять себе и Богу, я, конечно, придаю большое значение и здоровью и вижу в этом благодающую руку Божию...

Что здоровье падает, это несомненно, и Питер несомненно этому виной. Но все же по совести я должен сказать, что гигиеническая цель не главный мотив. Если бы была даже и Италия здесь, то все-таки я не стал бы спешить куда-то в сторону, сломя голову.

Вот, мой возлюбленный о. Антоний, главный пункт моего теперешнего настроения. Сумел ли я наметить Вам его—не знаю...

+

4 марта 1887 г. ...Ваши возражения мне насчет эвдемонизма и т. п. покоятся на том недоразумении, что будто для поддержания душевной гармонии не требуется часто большого усилия воли. Я не защитник пассивности, как Вы думаете. Я признаю необходимость активности, но только чтобы она была направлена к верной и настоящей цели—на водворение в себе Христа. Для внешних же целей я не намерен тратить активность. Раз они не требуются совестью или даже нарушают хотя частью ее гармонию.

Для неверного жертвовать верным—не должно. А спешить подделывать науку,—как ни вертись, это сделка с совестью, Ваше сравнение с нищим, которому нужно подать милостыню, хотя бы я был погружен в глубокое размышление, не идет, потому что подача милостыни именно и требует душевной гармонии, в противовес односторонним глубоким размышлениям. Это против Вас же.

Нет, дорогой мой, не разубеждайте меня. Я иду туда, куда ведет меня Бог по дороге, мне предназначенной. Ни повернуть, ни изменить я не в силах. Ничем посторонним и внешним не

могу развлекаться и увлекаться. Все придет само собой, если будем ежемгновенно стараться об одном: как бы не затмить в себе Христа, как бы привести к Нему других... Поймите, что для меня может быть только одна цель, и к ней не могут вести никакие внешние средства.

Вы говорите: ради великого нужно решиться на средство—диссертацию. Но вопрос: великое ли выйдет? Я не верю во внешние планы, простите. Я уверен, что когда у вас чрезмерный избыток энергии придет в равновесие сил, Вы согласитесь со мной и пойдете царским путем органического роста души во Христе, не отступая ни на йоту и направляя на это всю свою активность...

+

20 марта 1887 г. ...В самой службе находишь силу, особенно в литургии. Чем более втягиваешься внутренне в Таинственный и Благодатный организм Церкви, тем более находишь сил, радости и обретаешь глубочайший мир, тем более переживаешь противоположность Церкви и мира. Мало мы сознаем эту противоположность, и поэтому так мало во многих из нас бодрости и ясности духа... Все смешалось, все обмирщилось, в этом тумане и мгле не находишь врага и не отличишь своего...

Насчет разницы земли и неба я совершенно согласен и как раз это входит в противоположность Церкви и мира. Но это не значит, что нельзя влиять выше других по избранию Божию. Нужно лишь предаться Христу и тогда каждый пост будет Его велением, и тогда иная постановка дела; тогда и авторитет у места, даже в Церкви.

+

29 марта 1891 г. Вот Вы пишете: «как жизнь академии далека от нормы». Но разве может быть норма, когда все идут врозь и среди профессоров, и среди студентов? Норма может быть только там, где есть единое живое дело, единая живая цель, где общий труд и объединяющее всех чувство. Раз этого нет—какая же может быть норма? Где рассыпавшийся индивидуализм, там ее не может быть никогда. Вы пишете: «Разве это требуется от преемников апостолов, чтобы они не пили и не скандалили?».

Но... дайте живое дело, дайте могучий толчок, сплотите в одно живое целое—хоть немногих, и конечно, найдутся силы и люди, приближающиеся и к званию апостольских преемников. Мы вялы, мы скучаем, пьем, скандалим, утомляемся потому, что нет увлекающего нас общего дела. Как бы идея ни была велика, как бы частные пути ни казались великими,—все это может поглотить только тогда, когда поглощается в живом организме людского общения.

Самая сила идеи, самая высота ее именно обнаруживаются и ценятся постольку, поскольку она могла сплотить людей. В Церкви может быть только то, что дает живую связь людям, приобщая их к организму Христа. А кто и что теперь дает эту связь, кто из студентов ее видит? Они видят личностей, их доброту, их злобу, их формализм или отзывчивость, их ум или глупость, их косность или неутомимую инициативу,—но они не видят самого главного—органической связи общего, целого, которое могло бы их поглотить и возродить. Они не видят, потому что этого и нет. А нет почему? Потому что никто не поглощен Христом настолько, чтобы забывать о себе.

Кто достиг этого, хотя в ничтожной степени, тот проявит организующую внутреннюю силу, которая свойственна Христу... Так созидались монастыри, так созидались всякие христианские общины, всякие христианские движения...

Если с этой точки зрения посмотреть на нас самих, недостойнейших служителей Церкви,

призванных, однако, к великому делу, порожденных в великую минуту, то получится впечатление ужасное... Мы не только все рассыпаны и рассеяны внешне, но и внутренне-то мы все из периферии. Даже лучшие из нас не имеют внутренней силы сказать: «Так говорит Господь», или: «Так повелевает Церковь». Никто из нас не призван еще Господом. Никому Он не открыл прямой Своей воли, Никто не может еще с дерзновением слышать и передавать Его голос, несущийся по живому телу Церкви... Мы что-то чувствуем, что-то шевелимся, волнуемся,—но это даже пока еще не лепет, имеющий в себе органический задаток будущего ясного раскрытия блага...

+

1893 г. Дорогой о. Антоний, с большой радостью получил Ваше письмо. Храни Вас Господь за братскую любовь и память. Ваши «письма к пастырям» читал с искренним удовольствием и полным сочувствием. Вы знаете, что я говорю правду. Так скажу Вам, что ни одна Ваша статья не была так близка нашему сердцу и уму, как эти письма. Прекрасно это жизненное противоположение мира Церкви миру земли. Всеми силами на этом нужно настаивать в настоящее время.

Прекрасно изображение брачной радости пастыря, венчающегося своей Невесте—пастве. Внутренний Ваш огонь передается душе, и я наслаждался. Прекрасно указаны методы и способы влияния на разнородного умственного и нравственного склада людей... Только одно могу сказать, что у Вас мало оттенено то, что Вы имеете в виду методологию пастырского делания...

Вы справедливо говорите, что надо входить в настроение, в мысли пасомых и от них уже возводить их ко Христу, к Церкви, что тут догматические и канонические споры ни к чему не приведут. Но посмотрите на пастырей, как они есть. Но разве они уж этим особенно страдают—ревностью по догматам и канонам? Не смотрите на проповеди—это официия, не смотрите на споры—тут берется то, что есть под рукой, что легче, привычнее...

Разве мы мало знаем пастырей, готовых спуститься с пасомыми в какие угодно дебри их мыслей и сомнений, но ничуть не умеющих ни себя, ни их вновь возвести в свет церковной тишины? Ведь может случиться, что мы, ловя овец, сами запутаемся с ними.

Я Вам скажу, что это весьма возможно при современной постановке не только религиозного воспитания и образования, но и самой постановке христианской догматики, этики и всего остального.

Пастырю необходимо сойти к пасомым—Вы правы, но есть ли с чего сойти? Вот вопрос и может быть главнейший. Сойти не значит смешаться; Вы сами говорите о противоположности мира Церкви миру земли. Но есть ли эта противоположность на деле? Вы сами говорите, что пастыри портят себе дело, принимая светские обычаи. Но они принимают потому, что не имеют своих, утратили великие христианские традиции. И, конечно, нужно всячески пожалеть об этом.

А что, если уходя в мир земной мысли, мирских заблуждений и искажений, мы также забудем и потеряем то, что в нас держится почти одной традицией мысли?

Выходить из христианской любви, из сострадания—хорошо, но все же нужно и что-нибудь определенное, иначе в этом беспредельном мире можно захватить и ко вражескому берегу, принявши его за свой, и при незнании своего это весьма возможно.

Да, возлюбленный о. Антоний. Вы берете одну сторону дела и рассматриваете правильно и прекрасно. Но не нужно забывать и другой. Кроме методологии и педагогики, есть и психология, кроме пастырского делания, есть еще и пастыри с их содержанием.

И если это содержание не будет противоположно миру со всех сторон, и по мысли, и по чувству, и по воле, то тогда опасно идти на ловлю овец. И ловить-то нечем, и отгонять-то не во что. Может случиться, что они сами загонят нас в свои насиженные берлоги... Скажите, где здание, куда мы можем сгонять овец? Эти овцы весьма часто мыслят, куда вы их приведете. Эти овцы жаждут—где источник?

Выскажете: все в пастыре... Вот то-то и дело, что нет. Они в пастыре, если он весь в Церкви. А возможно ли это теперь при нашем воспитании и образовании, при нашей обмирщенности всего нашего строя? Всего нашего существа? Ах, все это прекрасно, что Вы пишете, и храни Вас Христос за то, что так хорошо пишете, но зло глубже, зло требует больших подвигов, больших страданий... Именно отделить Христа от мира и уже Отделенного приблизить к миру—вот что нужно. Нужно уйти от мира и затем прийти к нему.

Вы говорите о последнем, а не о первом, больше всего, как и должно быть по вашей теме. А между тем, главнейшее-то первое. И это предполагается пастырством, оно и должно предшествовать последнему. Сколько ни говорите о пастырстве, раз нет превознесения над миром, сознания жизни, того сознания, что мы совершенно противоположны миру во всем, решительно во всем, тогда ничего не выйдет, и ловля овец будет игрой в жмурки со стадом.

С Вашей главной тенденцией я безусловно согласен и слава Богу, что высказали се во всеуслышание. Безусловно, правда, что спасение есть приобщение Божественной жизни, которая есть любовь, и что спасение без любви невозможно. Даже как-то странно, что приходится утверждать и доказывать эту очевиднейшую истину.

Вполне сочувствую, что Вы говорите прямо и даже резко против извращающих идею спасения. Это расшевелит их, растревожит.

Вообще предполагаю, что Ваша статья должна зажечь споры, и так как вопрос поставлен ребром, то споры должны принести пользу, и они во всяком случае для нашей религиозной жизни полезны, даже необходимы. Вы отлично сделали, что написали, я даже примиряюсь с тем, что Вы поместили статью в «Вопросах», хотя я враг всякой рекламы и может быть дохожу до крайности, но такая статья должна действительно рекламироваться, потому что ее главное значение «в возбуждении», «в зажигательстве». По крайней мере я так думаю по первому впечатлению. Центральная идея тверда, но Вы на пути затрагиваете многие другие вопросы, которые непременно возбудят сильные возражения.

Во-первых, Вы мало дали значения послушанию в вере в Бога, как пути к любви, а этот путь исторически откровенный. Второе—Вы слишком резко до нарушения отметили узкость людей, говорящих о спасении своей души. Не забудьте, что они противопоставляют это спасение «общественному благу», понимаемому во внешнем, часто не христианском смысле; и многие из них ничего не будут возражать против долга спасать другие души, спасать любовью, но только понимаемую ими в более отвлеченном неземном смысле...

Не забудьте, что в народном сознании спасение души тоже на первом плане. Вы хорошо бичуете и литераторов и ханжей, но важный пункт требует более беспристрастного рассмотрения.

3) У Вас можно найти склонность к независимой морали помимо милости Христа. Вообще

Христос у Вас отодвинут как личность.

4) Вылазка против мистического отношения ко Христу может быть перетолковываема очень неблагоприятно.

5) Что та, загробная жизнь не есть юридическая только награда или наказание—это безусловно верно, но предполагать, что та жизнь есть просто продолжение этой без всякой коренной метаморфозы—это тоже рискованно.

Мы не можем туда перенести никаких законов пространства и времени, подробности наших душевных сил и проч., уже само слово «вечность» показывает на нечто не количественно только, но и качественно различное, и с этим придется считаться.

6) Я не говорю о понятии «общественного блага». Вы пиелит, что об этом будет статья вторая. А то теперь неясность этого понятия дает ложное освещение многим Вашим статьям. Напрасно Вы, пока его не выяснив, не заменяли его словами «любовь к ближним».

7) В отношении сектантов Вы примите во внимание, что их протест вытекает иногда, а может быть и часто, из той же эгоистической горделивой мысли о спасении помимо любви и снисхождения, о которой Вы говорите так хорошо.

Много как будто еще чего-то собиралось в голове, чтобы сообщить Вам, но и так довольно. А в общем я от всего сердца рад Вашей статье и благодарен Вам. Она зажжет—это наверно. А это очень важно. Напишите, как отнесутся к статье наши блюстители благочестия...

Вот еще: неосторожно молитву причислять к сентиментальности, неправда это полная. Еще неправда, что отшельники оставляли мир на время. Мне кажется, что Вы мало даете значения молитве, как ОБЩЕСТВЕННОЙ силе. Поэтому Вы и боитесь сказать слово за уединение. Общественное благо, пожалуй, и Вы склонны почитать более внешне, чем следует. По-моему, никакой тут грани нет, а все вместе.

+

14 марта 1893 г. Дорогая моя А.Ф.!

Сперва о деле. Относительно излишка в службах у нас, сверх Вашего ожидания, я часто с Вами согласен. Конечно, лучше бы поменьше, но посознательней, поинтенсивнее в чувствах. Но только смущаться особенно нет оснований: во-первых, это нельзя назвать идолопоклонством, потому что ведь Христос разумел тех, кто полагает значение в многочисленности молитв, так сказать, именно в ней видит заслугу. В Церкви этого нет. Умножение произошло чисто исторически, и всякий Вам скажет, что одна кратенькая молитва, сказанная от всего сердца, стоит всех молитв, произнесенных механически. Значит, об идолопоклонстве не может быть и речи.

Во-вторых, примите во внимание, что все наши службы, кроме литургии, носят монастырский характер, взяты из монастырей. Там они были совершенно уместны, потому что там все усилия были направлены к поддержанию постоянного молитвенного настроения.

Если же мы до сих пор не приспособили монастырского строя молитвы к своей обыденной жизни, то это потому, что наша светская среда совершенно разорвала связь с Церковью и нарушила ее правильный рост; поневоле пришлось заостенеть на древнем и заимствованном.

В-третьих, я обратил бы Ваше внимание на то, что многочисленность молитв имеет свою

хорошую сторону и для мирских людей. Дело в том, что мы страшно рассеяны. Дайте нам коротенькую молитву, и мы через несколько дней будем произносить ее без внимания и, так как по правилам все будет ограничиваться ею одною, то мы собственно останемся без молитвы. Теперь же сквозь всю суету мы берем несколько фраз, несколько мгновений, когда сможем помолиться... В одном месте мы прозевали, вдруг то же повторяется в другом, и мы уже слышим.

Я сам знаю по себе. Я читаю утренние молитвы. Их несколько. Я рассеян. Но все же, прозевавши одно, я воспринимаю другое; часто вдруг глубоко действует то, чего прежде и не замечал. Судя по логике, одна молитва повторяет другую и, следовательно—излишек. А судя по живому опыту—это благотельно, потому что не здесь, так там вдруг придешь в себя и помолишься.

Так и в церкви. Часто стоишь болваном долго и вдруг очнешься, и как хорошо чувствуешь, слыша, что повторяется то, что уже было... Если это рассеяние бывает у более или менее удаленных от жизни людей, то что же сказать о мирских. Сделайте богослужение только из молитвы Господней и поверьте, что кроме вреда ничего не выйдет; и те несколько мгновений молитвы, которые встречаются сейчас, пропадут... А что нужно делать все более ясным и понятным, читать отдельно и со смыслом—это само собой разумеется. Кто же это может опровергать...

Так, видите, карающей речи не оказалось... Относительно сомнений вообще не тревожьтесь. Любите Христа, любите Бога, любите людей, будьте готовы признать всякую истину, раз Ваше сердце, Ваша совесть признают это за истину и больше ничего,—все остальное само собой придет.

Пагубен излишний консерватизм, упорное отстаивание своего во что бы то ни стало, гордое противление всему, что не от меня. Вот это опасно. А раз мы с любовью ищем правду, не размышляя о своей персоне и о ее непогрешимости, то сомнений нечего бояться... Для такой души впереди свет... Да и что останавливаться на сомнениях. Сомнения всегда появляются в пустых промежутках души. Когда любишь, когда работаешь во всю мочь—до сомнений ли тут. А ведь любить и работать ради любви и Христа—это может и не подлежать сомнению.

Что касается Вашего чтения моих писем М. И. и П. А.—то никак не возлагаю на это надежд. Для Вас я живая личность. Вы читаете не слова, а мою душу, мое сердце, моего внутреннего человека. Для них мои письма только слова и мысли. А в религиозных вопросах это очень и очень недостаточно, почти ничего... Впрочем, может быть, какая-нибудь мысль и западет в душу и может быть при случае окажет услугу. Я во всяком случае рад всякому добру...

Ах, дорогая моя, у Вас тоска по деятельной работе, и у меня тоже. Вы тяготитесь аристократическим бездельем, в сущности, и я тоже. Право, мне становится иногда очень тяжело и стыдно. Я столько поглотил в себя и ничего не произвел. Мне хочется черной, непосредственной работы.

Я чувствую, что все-таки довольно значительный запас мыслей, чувств, взглядов я должен применить к непосредственному делу. Даже книга меня не удовлетворяет. Я не вижу живого повода к ней... Мне нужна жизнь, и я сейчас стал бы реагировать на нее для Христа всем запасом моих сил. Создалась бы и книга, но она имела бы жизненную основу: каждая строка в ней была бы по непосредственному требованию жизни. Книга составила бы из актов моего долга по отношению к личностям. А теперь все как-то неопределенно: не знаешь, кому пишешь, и потому нет крепкого чувства жизни... У меня теперь много личной переписки. И я рад этому. Все же знаешь, кому пишешь, имеешь живую конкретную цель. А там напишешь неизвестно

кому...

Да, христианская деятельность непременно должна иметь дело с жизнью, а книги имеют смысл только настолько, насколько они результат жизни... Господи, сколько надумано. Кажется, и во всю жизнь не представится повода высказать все... Нет, очевидно, скорее нужно браться за жизнь, будет барствовать... А впрочем, и тут Бог...

Дай Господи и Вам устроить дела по совести...

+

Дорогая А.Ф. Вы пишете с негодованием о современном обществе. Я совершенно его разделяю. Его разложение и нравственное и умственное идет все нарастая. А еще что будет из этой молодежи, которая ведь ничему не училась и, вероятно, а впрочем не знаю,—и теперь не учится. Но только я не согласен с Вами, когда Вы ставите это разложение в какую-то связь с религиозностью, что Вы понимаете под ней? Торговлю благочестием из-за куска хлеба? Маску ради честолюбия? Моду обезьян? Зуд на всякую новинку? Если да, то, конечно, Вы правы: теперь религиозности больше. Или может быть благочестие одного или двух высших представителей государственной власти? Но благочестие и религиозность не проводятся на бумагах. Они в сердце и в жизни: а бумаги—это мыльные пузыри; они создают пустой призрак религиозности, не более...

Или, может быть, Вы понимаете тот факт, что как будто стало больше интереса к религиозным вопросам? Но искания еще не есть религиозность... потому и ищут, что остались без принципов; и пока ищут лучшие, худшие пользуются и мошенничают без всякого зазрения совести. Да и какая совесть, когда никто не знает, что истина, что добро, что зло...

Или, может быть, Вы понимаете пробудившееся в сердцах средней интеллигентной публики тоскливое стремление к вере? Но это и произошло именно потому, что старые идеалы потускнели, не удовлетворяют, а новых нет, а живется худо, и чем дальше, тем хуже... Когда хуже, тогда и обращаются чаще всего к вере... Я ставлю современную «религиозность» и разложение в такую связь: старые крепостные основы общества рушились; новых основ нет; государственность начала рушиться, и вот крики о религии, о вере как об основе государства; отсюда все циркуляры, все заботы о благочестии, но это крик... не более.

Интеллектуальное развитие нашего общества очень слабо; в шестидесятых годах мы просто приняли на веру то, что нам казалось последними выводами западного просвещения, Это была мечта, вера, порыв... Конечно, он долго держаться не мог. Вступивши в жизнь, он сразу обнаружил нашу действительную дикость. А тут и сама Европа оказалась уже не такой непогрешимой, как мы воображали... И вот почти детски прямолинейные теории и мечтания рушились. Новых основ нет; мы решительно неподготовлены ни к каким творческим трудам, мысли; мы рады бы опять ухватиться за Европу, но она сама разлагается на миллионы воззрений... И вот крики о принципах веры, об искании новых религиозных основ. И тут кажущаяся религиозность мысли явилась уже вслед за разложением.

Тот же процесс и в жизни чувства. Разочарование, уныние, тоска закрались в души тех, кто когда-то горел огнем одушевления. Где результаты? Где плоды? А в душе неудовлетворенность, разлад... И вот опять на помощь кричат: «Веру, дайте нам веру. С ней, наверное, легче». Эти крики собственно в каждой интеллигентной семье настоящего времени. Конечно, это великого значения факт... но разве это религиозность? И разве она может служить основанием упрека: вот все становятся религиознее, а жизнь все хуже и хуже. Где же сила вашей религии? Отчего же бессилие? Да оттого, что это и не вера. Это только тоска опустевшей и разочарованной, а

часто и истерзанной души.

Во всяком случае, и в государстве, и в обществе, и в мысли, и в чувстве религиозность является только той соломинкой, за которую хватается жизнь. Соломинка не виновата, что мы тонем, и странно было бы винить религию в нашем разложении.

Вот когда испытания, несчастья, может быть великие, потрясающие, очистят нас, взволнуют до той глубины духа, откуда идут все творческие силы, когда религия будет для нас положительной силой, когда мы сможем уверовать в ее возрождающую силу, когда мы будем вполне готовы отдать за нее свою жизнь—вот тогда религия возродит нас... А теперь, какая у нас вера? Мы не знаем, во что и верить. Иные готовы лампадки зажигать, а завтра—полегчает—готовы и Бога побоку. Разве это вера? Разве это тот огонь, что прожигал сердца святых? Разве мы понимаем, чувствуем, что значит новая жизнь, новая радость, в сравнении с которой вся земная жизнь—ничто.

Если та ВЕРА действительно спасла мир, то наша «вера» только проблеск, звук... не больше... Нам нужно еще до нее дорасти... Может быть, нашими несчастьями... Наша мысль так плоска, наше сердце так мелко, что действительно мы не в силах воспринять удивительнейшее, несказанное, истинно-божественное величие христианства...

Ах, я в это время читал и перечитывал всего Шопенгауэра. Боже мой, насколько великая душа этого атеиста (так он сам себя называл) ближе подходит к христианству, чем наши доморожденные философы, кричащие по-видимому о Христе и православии... Великий и искрометный дух гения способен был подойти к грандиозным замыслам и божественному плану спасения христианства очень близко... И рядом—наши радетели, издавшие целый сборник о Шопенгауэре... Смешно и грустно... Самые его ошибки в миллион раз лучше приводят ко Христу, чем вся эта мелкопоместная куриная болтовня наших квазихристианских философов, вроде Грота, Лопатина и др. Мне очень тяжело было читать их: стыдно, страшно стыдно за себя.

Да, христианство по своим философским идеям бесконечно высоко и глубоко, и помимо божественной помощи, доступно только титанам мысли. Наши же мизеры только испошляют, принижают его...

Вот теперь скандал с Соловьевым в Москве. Я вполне сочувствую, что он затрагивает живые религиозные вопросы и обличает современное христианство и православие. Все эти вспышки и скандалы все же готовят почву... Но я не понимаю, как—все же крупная фигура—Соловьев мог так опуститься в плоское рационализирование и низвести христианство к общественному реформаторству... Это христианство-то, имеющее весь свой смысл в коренном перерождении самой души человечества, всех источников всей его внутренней и внешней жизни. Это христианство-то) Основатель которого умер Один за всех на позорнейшем кресте, дабы внутренне, Духом Святым, всех верующих в Себя пересоздать, дать всем семя «нового» человека... И такую страшную глубину замысла низвести к плоскому реформаторству.

Не испытано ли всем человечеством, что со своими внешними реформами мы вертимся, как белка в колесе, между Сциллой и Харибдой. И чем дальше, тем больше иссякают человеческие жизни. Недостает жизни, недостает сил, все лезет врозь в самой глубине души, все сохнет и гибнет, точно старое растрескавшееся дерево... а тут источник жизни, возродивший когда-то, насколько могли тогда воспринять, языческий мир, готовы свести на реформаторство внешней жизни. Впрочем, не знаю, может быть совсем и неверно передают его мысль. Я был бы от души этому рад...

А его противники? Один ужас. Какой-то Грингмут разыскивает, православный ли он. Странно, чтобы не сказать—скверно... Я очень боюсь, чтобы не заставили какое-нибудь духовное лицо написать против Соловьева... Наверное провалится. Наша религиозная мысль в заскорузлых тенетах схоластики. И какая бы истина ни была, она сквозь эти тенеты не убедит, кого именно и следует убедить... Право, мы переживаем трагические моменты религиозной мысли. Так стоит мысль, что чем более плоска мысль, тем она свободнее и привлекательнее... А истина запрятана в таких дебрях сухих, изживших себя схоластических терминов и фраз, что ее нужно постигать с терпением истинного мученика.

+

Дорогая А.Ф. Я теперь все работаю над воспроизведением жизни и характера Христа. И знаете ли, что больше всего мне бросается в глаза, конечно, помимо всех родов высоты и чистоты, это—полное отсутствие мечтательности: порывов к фантазийному, фиктивному. Это—величайший реалист. Он только видит и исполняет то дело, которое у Него сейчас под руками. Он не рвется вширь, а работает в глубину над теми, кто сейчас около Него: никогда ни одного сочиненного, общего слова: каждое вызывается сейчас представившимся конкретным случаем. Даже нет ни одного сочиненного сравнения, каждое из них взято из окружающей Его в данную минуту обстановки; за обедом Он—и сравнения, взятые отсюда; в поле Он—и образы отсюда; на небе облака, и Он пользуется этим; скоро зайдет солнце и настанет тьма—Он применяет к Себе. Просто удивительно. У Него решительно нет ничего искусственно сочиненного, ни одной фикции ни в слове, ни в чувстве, ни в поступках. Он на каждом шагу воспринимает реальную среду, реальную обстановку, реальное настроение окружающих лиц—и сейчас же всецело воздействует на них.

Мы всегда живем где-то, всегда думаем и мечтаем о чем-то или из прошедшего, или из будущего: настоящее как-то скользит по нас, оно только между прочим и никогда не исчерпывает нас, уплывает от нас. У Него решительно этого нет. Он всецело воздействует на настоящее: у Него нет ни одного порыва к беспредметному, ни одной нотки неудовлетворенности; весь мир перед Ним, и Он действует в тесной среде, отвергнутый всеми, непонимаемый никем, и действует с полной бесконечной удовлетворенностью. Даже будущее является Ему как неизбежное настоящее, как определенная Богом реальность. И Он говорит об этом Своим ученикам просто как о факте, имеющем быть...

Такое отсутствие пустой рефлексии, мечтательности, порывов, неудовлетворенности настоящим делом и стремления к чему-то будущему,—отсутствие всякой такой фантазийности, сочиненности, по-моему, это одно из величайших чудес, если не самое великое...

И оно поразительно особенно для нас, людей этой фиктивной эпохи, людей все рвущихся к чему-то, мечтающих, рефлектирующих, копающихся и совсем не живущих настоящей реальной жизнью, не работающих над тем, что сейчас у нас под руками, не удовлетворяющихся никаким делом, все кажущимся нам мелким и ничтожным... В каждую былинку можно вложить бесконечность, а мы и всем миром, пожалуй, не удовлетворимся...

У нас широкие размахи; скорбь—так мировая, а рядом живет несчастный—мы не бросим ему взора или слова любви; нравственность—так абсолютная, а сами пьем, грязним себя злыми чувствами и нимало не замечаем этого...

Ах, все это я пишу потому, что видел и вижу сейчас и на каждое слово свое могу сказать несколько примеров, да и на самом себе вижу этого беса. Это мечтательство, эти порывы куда-то, все это дьявольский клапан, через который уходят наши силы, наша способность работать над тем реальным делом, которое сейчас, сию минуту есть у нас и просит нашего

труда, нашего подвига, нашей любви... Потому-то мы рвемся вдаль, что не умеем работать около себя; потому-то мы и мечтаем о любви ко всем, что не умеем любить действительно тех, кто около нас; потому-то мы и живем в будущем, что не умеем жить в настоящем. И потому-то настоящее уплывает, уходит от нас таким же худым, как было. Мы не улучшаем его своей любовью, своим трудом. Окружающие нас люди не чувствуют нашего света, а мы, ленивые, нерадивые рабы, утешаем себя мечтами, порывами, мы любим что-то, мы работаем над чем-то... но к сожалению, все это фантазии, то есть в пустоте...

Ах, дорогая моя, любите Лизу, держитесь за нее—это реальнейшее, святейшее дело. Не рвитесь куда-то. Право, это призрак, который отнимает у Вас реальные силы. Читайте то, что должно помочь Вам и в Вашем действительном деле; посмотрите, ведь тут хватит материала на сотни жизней. Лиза вырастет, и Вы всю свою любовь должны направить к правильному расцвету всех ее духовных и физических сил, сколько здесь чудного, прекрасного, сколько знаний, сколько самоотвержения... Весь мир не стоит человеческой души. И она под Вашим призором, под Вашим воздействием...

О, эта фантазия! Я просто чувствую ужас перед ней. Это величайший враг. Все раскидываешься, рвешься, а то, что под рукой, проходит без нашей любви, без нашего подвига... Нет, нет, дорогая моя, боритесь и Вы, ради Господа, с этой жаждой пустых порывов... Реализм, величайший реализм—вот что говорит нам Христос, и мы должны подчиниться, должны себя переломить во что бы то ни стало. Нечего мечтать и воображать себя такими-то и такими-то... нужно любить и работать, что есть перед глазами и руками и тут сосредоточить все свои лучшие силы...

+<o:p></o:p>

: Из материалов православной пресс-службы SOP

Церковная жизнь

Беседа Вселенского Патриарха Варфоломея с генеральным секретарем СИНДЕСМОСа А. Белопопским (SOP № 190, 1994, с. 6-8).

Вселенский патриарх Варфоломей I, primus inter pares в епископате Православной церкви, 4 июля 1994 г. в своей официальной резиденции в Стамбуле имел продолжительную беседу с Александром Белопопским, генеральным секретарем СИНДЕСМОСа—международной организации православной молодежи. Патриарх затронул главные проблемы, существующие в настоящее время в Православии, а также рассказал о планах Вселенского Патриархата, касающихся свидетельства и православного единства, сделав особый упор на диалог с православными дохалкидонскими церквями. Обсуждая участившиеся покушения и попытки покушений, предпринимаемые экстремистскими исламскими группами против святынь и зданий, принадлежащих греческой православной общине Стамбула, Патриарх выразил доверие турецким властям, обязавшимся обеспечить безопасность христианского меньшинства, невзирая на ограничения деятельности христианских учреждений и на возрастающую угрозу интегризма после победы на выборах исламской партии Стамбула. Патриарх надеется, что призыв некоторых турецких политиков превратить собор Св.Софии в мечеть, так и останется словами, тем более, что это предложение не получило отклика у турецких властей и было

подвергнуто критике со стороны таких международных организаций, как ЮНЕСКО. Одна из главных проблем—уменьшение греческой общины Стамбула. Патриарх с горечью констатировал, что в городе остаются открытыми 50 православных церквей, но не хватает ни священников, ни верующих, которые бы их посещали. Варфоломей I вновь заявил о своей вере в будущее Вселенского Патриархата, о его плодотворной деятельности в лоне Православной церкви. Резиденция Патриархата не находится в изоляции, несмотря на враждебное окружение. Она постоянно связана с другими православными церквями и консультирует их по важным вопросам. Патриархат несет служение третейского судьи и поддерживает другие церкви, которые просят его духовной помощи. Варфоломей I отметил, что в ходе Совещания глав всех православных автокефальных церквей, проходившего в марте 1993 г., было решено организовать на Патмосе (Греция) новую, на этот раз «неформальную», конференцию всех глав. Патриарх особенно подчеркнул, что он намерен продолжать серию визитов, начатых в 1992 г. после его вступления на патриарший престол. В 1995 г. он нанесет визиты в Эфиопию, Японию, Финляндию, Великобританию, Чехию, Францию, а также в Ватикан и в резиденцию Всемирного Совета Церквей в Женеве. Патриарх одобрительно высказался по поводу недавних попыток установить связь между Православной церковью и Восточными церквями. Это было бы, по его словам, историческим событием, диалогом, которого ждет не только его сердце. Необходимо также единство действий православных церквей, направленных на преодоление 1500-летнего раскола. Патриарх предостерегает против любого преждевременного одностороннего договора, исходящего от поместных церквей, который может вызвать недоразумения. Говоря о проблемах церковных общин, находящихся в состоянии раздробленности и относящихся к юрисдикции, основанной по этнолингвистическому и политическому принципам, Патриарх Варфоломей I подчеркнул основополагающую роль Вселенского Патриархата в поиске предварительного решения этих проблем до рассмотрения их на Всеправославном церковном соборе. Автономия этих церковных общин является нормой, согласующейся с православной эkkлезиологией, считает Патриарх. По его словам, принятое промежуточное решение должно заключаться в предоставлении более широкой автономии местным межепископским комитетам. Однако решение такого рода, по мнению Патриарха, зависит в первую очередь от прочности и зрелости каждой территориальной общины. Что касается автокефалии, то этот процесс зависит от соборного договора между всеми поместными церквями. Для Православной церкви и здесь недопустима никакая поспешность. Патриарх Варфоломей I приводит в качестве печального примера Православную церковь Америки, получившую автокефалию по решению Московского Патриархата в 1970 г., которая не признана сообществом других поместных церквей. В подобной же ситуации находится и Православная церковь в Японии. Отношения между Американской церковью и Патриархатом тем не менее очень хорошие, и Священный Синод Константинополя в настоящее время изучает предложения Американской церкви, направленные на то, чтобы процесс признания территориальной автономии совокупности американских юрисдикций был предпринят на новой основе и все разногласия по возможности были разрешены. Высказываясь по вопросам международного положения, Патриарх Варфоломей I выразил беспокойство в связи с конфликтом в Боснии и отказался его квалифицировать как «религиозную войну». «Многонациональное и разнообразное по этническому составу государство Югославии искусственно существовало при Тито. Сегодня выявляются старые конфликты»,—сказал он. Патриарх озабочен и другими конфликтами, разразившимися на Балканах. Он считает, что проблема напряженности между бывшими югославскими республиками и Грецией должна быть справедливо решена историей и человеческим милосердием. Далее Патриарх горячо одобрил работу СИНДЕСМОСа, связанную со служением церкви. Главной целью СИНДЕСМОСа должны быть, по его мнению, единство, согласие и послушание, а также всякая деятельность, проводимая в тесном сотрудничестве с епископами. Патриарх одобрил организацию Пятой международной конференции богословских православных школ по инициативе СИНДЕСМОСа на о. Халки. Эта встреча—первое международное православное событие со времени закрытия богословского

института на Халки в 1971 г. и она совпадает со 150-летней годовщиной создания школы. Стамбул Итоговый документ семинара СИНДЕСМОСа «Молодежь, культура, национальность, религия» (Санкт-Петербург, 5-10 июля 1994 г.)

Мы, православная молодежь,—клирики, преподаватели и студенты из Восточной и Западной Европы, Африки, Северной Америки, а также из России собрались в Санкт-Петербурге 5-10 июля 1994 г. обсудить и рассмотреть связи Православия с национальной идентичностью и культурой. Наслаждаясь теплым приемом в Санкт-Петербургской Духовной Академии и «белыми ночами» северного лета, мы обсудили важные и неотложные спорные вопросы и стали близкими друзьями. Мы приветствуем священноиерархию, наших архипастырей и духовных отцов, представителей молодежных движений и предполагаем им это краткое резюме нашего совещания и рекомендации для продолжения работы СИНДЕСМОСа. Наши обсуждения охватывали широкий спектр тем. Отношения между Православием и национальной культурой во всем мире были изложены протоиереем Михаилом Олексой с Аляски и Иоханном Реми из Финляндии в первые два дня. В среду утром игумен Вениамин (Новик) из Санкт-Петербургской Духовной Академии представил доклад «Церковь и нация в русской истории». Во второй половине дня мы разбились на небольшие дискуссионные группы (копии наших специальных программ прилагаются). После Божественной литургии на праздник Рождества святого Иоанна Предтечи мы провели вторую половину четверга в паломничестве, посещая святые храмы и монастыри, прикладываясь к чудотворным иконам и мощам святых, чье присутствие освящает этот город и нам дало благословение и освящение,—святого праведного Иоанна Кронштадтского, блаженной Ксении Петербургской и сорока мучеников на Смоленском кладбище. Мы были глубоко потрясены описанием войны в бывшей Югославии, данным нашим братом из Сербии, отслужили панихиду для поминания всех жертв насилия, молясь о мире всех людей этого региона, независимо от их национальности и вероисповедания* *.

* От братства «Сретение» и МВПХШ в семинаре участвовали А.М. Копировский, О.Емельянова, В. Лавренов. ** Мы призываем всех членов СИНДЕСМОСа к такой молитве за сербов и за всех жителей этого региона.

После докладов Мариана Стоядинова из Болгарии и священника Кваме Лаби из Ганы в пятницу мы сосредоточились на двух вопросах для обсуждения и закончили нашу программу в субботу принятием отчета об этом, воскресной всенощной и служением Божественной литургии в воскресенье утром. Национализм Когда мы говорим о национализме в церковных кругах, мы сталкиваемся с симбиозом, который на первый взгляд противоречив. Но если мы посмотрим внимательнее, то увидим, что сегодня в нашей церковной практике национализм, в том числе и антисемитизм,—неслучайное явление. Причина этого—процесс секуляризации в церковных кругах и принятие ими различных партийных идеологий. В этом смысле национализм некоторым клирикам и мирянам присущ так же, как либерализм, консерватизм, национальный мессианизм и фундаментализм. Православная церковь отдала многое для сохранения национальной идентичности отдельных народов. Это было, в частности, явлено во время турецкого владычества на Балканах. Но с XIX века до наших дней, когда национализм превратился в своеобразную религию для многих европейцев, национальный вопрос стал проблемой как для мира в Европе, так и для мира в церкви. Для церкви эта проблема всегда была связана с подменой богословия идеологией. В конце XX века национализм в обществе является краской на палитре идеологических систем, но в церковных кругах он часто бывает признаком секуляризации и отступления от принципов Евангелия. Культура и катехизация Говоря о культуре, мы рассматривали ее в связи с верой и православной церковной традицией. Ведь Церковь—не культурный институт или музей, однако она воплощает веру в культуре. Красота и глубина этой культуры, многообразно проявленная в течение веков, не случайно

признана не только самой Церковью, но и во всем мире. Подлинная культура всегда обращена к конкретной личности, и центр такой культуры—Христос, «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол 2: 3). Вместе с тем мы не отрицаем и светскую культуру, которая часто может служить мостом к Церкви, объединяя людей на их пути к Богу. Мы не отгораживаемся ни от каких искренних поисков истины. Однако как христиане мы не можем принять порнографию или насилие, сокрытые под видом культуры. Мы стремились различать Священное Предание Церкви и околоцерковные предания и обычаи, чтобы «никому ни в чем не полагать преткания» (2 Кор 6: 3). Принимая догматы и каноны Православия как незыблемое основание нашей веры, мы сознаем, что на пути к ней существуют вольно или невольно воздвигаемые барьеры, в том числе и внутри церкви. Мы с сожалением узнали, что во многих странах, особенно с большой христианской историей, священники и верующие старшего поколения, закрываясь от реальностей сегодняшнего дня, часто не готовы ответить молодежи, приходящей в Церковь, на современные вопросы. Мы хотим свидетельствовать о Православии и видеть православных миссионеров и катехизаторов, учащих не столько обрядам и формулам, сколько самой православной вере и святой, преображенной во Христе жизни. Мы считаем, что катехизация должна вестись в русле литургической жизни и должна быть способна помочь молодежи в решении ее проблем. Мы подтверждаем, что все местные культуры, представители которых стали православными, могут быть воцерковлены и способствовать воцерковлению жизни, так что на всех языках, в том числе и современных, может читаться Слово Божие и возноситься молитва.

Семинар принял следующие рекомендации для работы СИНДЕСМОСа:

1. Продолжить изучение и обсуждение вопросов культуры и национализма, включая проблему так называемого «православного фундаментализма», с точки зрения православной веры на соответствующем семинаре, организованном в ближайшем будущем.
2. Публиковать итоги семинаров и другие относящиеся к этим проблемам материалы.
3. Ускорить публикацию научных трудов об историческом развитии православного богослужения, чтобы дать возможность молодежи понять связь православной веры с различными ее культурными выражениями.
4. Развивать дискуссию о доступности литургической жизни, в том числе—о языке богослужения.
5. Обеспечить, чтобы каждая программа СИНДЕСМОСа предлагала разнообразие культурных выражений православной веры, особенно в литургической жизни; в целях ее доступности СИНДЕСМОС опубликует служебник на разных языках с включением современных переводов.
6. Продолжить поддержку православных молодежных движений в Восточной и Центральной Европе через семинары по практическим аспектам молодежной работы, например, публикациями и финансированием; эти встречи должны проводиться движениями и приходами с опытом катехизации и общинной жизни.
7. Продолжить организацию семинаров и издание публикаций по различным методам катехизации с их описанием.
8. Продолжать и расширять сотрудничество с богословскими школами, в частности по вопросам христианского образования и диаконии.
9. Использовать «Православную пресс-службу» наряду с другими публикациями и встречами для распространения информации о текущих кризисах и конфликтах, в которые вовлечены православные, чтобы СИНДЕСМОС и его члены в западных странах могли служить мостом понимания.

: Доклады на Пятой международной конференции по христианскому

образованию

Христианское образование и воспитание

(август 1994 г. (Халки, Турция))

Пятая международная конференция православных богословских школ была организована СИНДЕСМОСом—молодежной православной организацией при поддержке Вселенского Патриархата. Конференция проходила с 13 по 20 августа 1994 г. в православном монастыре Святой Троицы на острове Халки, близ Стамбула. На конференции обсуждались проблемы современного богословского образования. В конференции принимали участие более 70 человек, среди которых были профессора богословия, специалисты по подготовке катехизаторов, преподаватели, студенты из 15 стран, которые представляли 30 православных богословских учреждений, объединенных СИНДЕСМОСом. Конференцию открыл Вселенский Патриарх Варфоломей I, который в своем вступительном слове подчеркнул историческое значение этого совещания представителей богословских школ, первого совещания такого рода. Среди основных участников конференции были епископ Диоклийский Каллист из Великобритании, епископ Питтсбургский Максим (США), о. Фома Хопко, ректор богословского Свято-Владимирского института в Нью-Йорке, о. Владимир Воробьев, декан Православного Свято-Тихоновского Богословского института, о. Георгий Кочетков, ректор Московской высшей православно-христианской школы, о. Георгий Кондофра, профессор института экуменизма в Боссе (Швейцария); Димитра Кукура, первая женщина-профессор богословского факультета в Фессалониках (Греция). Во время пленарных заседаний было сделано несколько сообщений на различные темы, в том числе о миссии православного богословского образования в современном обществе; богословском образовании в Священном писании и в истории; богословском образовании и приходской жизни; проблемах богословского образования в современных условиях; экуменизме. В своем сообщении на тему «Богословское образование в Писании и у святых отцов», которое явилось как бы введением в основную тему, епископ Каллист поставил на первый план парадокс теологии. Теология—не просто предмет академического изучения или тема для спекуляции религиозного характера, а способ стать церковным человеком. Теология, по его мнению, не что иное, как «теория», созерцание. Она предполагает причастность живому Богу. Епископ Каллист выделили 4 положения, которые позволяют прийти к подлинному богословскому видению: харизма (дар Божий), таинство, катарсис (очищение), исихия (внутреннее безмолвие). В том же духе о. Георгий Кондофра говорил об исторических перспективах богословского образования. «Богословское обучение,—сказал он,—не ставит конечной целью только профессионализм, оно соответствует прежде всего служению, »литургии в Церкви". О. Фома Хопко остановился на целях богословского образования в современных условиях и в будущем, ставя акцент на серии вопросов: что нужно оставить и что нужно менять в Церкви, личность и авторитет, индивидуальность и общность, единство и разнообразие, отношения мужчин и женщин. Обсуждение вопросов (богословское образование и церковная жизнь, священство и миряне, диалог с дохалкидонскими церквями, педагогические методы, отбор студентов и факультеты) позволило глубже проанализировать поставленные проблемы. Программа конференции также предполагала посещение основных храмов и православных общин Стамбула (бывшего Константинополя) и его окрестностей; и участие в торжественной литургии, возглавляемой Патриархом Варфоломеем I, в день Успения Божией Матери 15 августа. Конференция приняла перечень рекомендаций и первоочередных действий, направленных на поддержание развития богословского образования внутри церквей. В этом документе говорится о необходимости тесных связей между верой и познанием, которая должна находить свое выражение в литургической общинной жизни, а именно в евхаристии и в церковной жизни. Эти два

приоритета должны составлять фундамент богословского образования. Участниками конференции была подчеркнута необходимость находить новые формы богословского обучения, отвечающие нуждам современного мира. Некоторые участники, к тому же, предлагали ввести в программы обучения психологию, социологию и другие дисциплины, связанные с гуманитарными науками. Наконец, документ подчеркивает, что особое внимание должно быть уделено новому поколению студентов, состоящему из мирян, которые посещают богословские лекции для обогащения своих познаний, своей духовной жизни, при этом необязательно хотят стать священниками. С целью повышения единства и сотрудничества между школами участники предложили систематический обмен педагогическими материалами, программами и опытом, а также обмен студентами и преподавателями. СИНДЕСМОСу было поручено развивать сотрудничество на интернациональном уровне между православными богословскими школами и подготавливать будущие встречи. Организованная СИНДЕСМОСом в пятый раз за прошедшие 17 лет конференция на острове Халки стала первой встречей такого рода, состоявшейся после падения коммунистической системы в странах Восточной Европы, когда оказалась возможной реставрация сети школ богословского образования и катехизации в этих странах. Кроме того, это первая встреча такого масштаба по важности обсуждаемых проблем, по числу участников, по количеству представленных богословских школ.

Епископ Диоклейский Каллист (Уэр): Богословское образование в писании и у СВ.ОТЦОВ

Христианское образование и воспитание

Что такое богословие?

На семинаре богословских школ, посвященном вопросу богословского образования, уместно задать себе основной и первостепенный вопрос: что такое богословие? Как писание и отцы Церкви понимают задачу богослова? Обращаясь к Библии мы сразу же сталкиваемся с поразительным фактом: нигде в ветхом и новом заветах мы не встречаем слов «богословие», «богослов» или «богословствовать». Это просто не библейские понятия. Мы можем также заметить, что никто из Двенадцати, избранных Христом, не получил образования в богословской школе. Только постепенно понятие «богословие» проникает в христианскую речь. Апологеты второго века с подозрением смотрели на это слово, так как для них оно прежде всего означало построения языческих религиозных мыслителей. В одном случае, однако, оно используется в христианском смысле Афинагором Афинским, и означает веру во Святую Троицу. Только Климент Александрийский и, в гораздо большей степени, Ориген установили христианское употребление слова «богословие». Знаменательно, что также в Александрии появилась и первая серьезная богословская школа—знаменитая огласительная школа, возглавлявшаяся Пантенем, затем Климентом и Оригеном, и наконец епископом Дионисием Александрийским. Позже, в византийский период, центр богословского образования перемещается в академию Константинополя. Отмечая, что «богословие»—не библейское слово и лишь постепенно входит в христианский словарь, мы можем заметить и еще одну вещь. Когда это понятие используется греческими отцами, оно имеет заметно иной смысл, чем сегодня. Например Евагрий Понтийский, ученик великих Каппадокийцев и отцов пустыни, замечает в известном изречении: «Если ты богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты богослов». Богословие, утверждает св. Диадокх, епископ Фотики (V век), «подает душе величайшие из даров... соединяя ее с Богом в нераздельном общении». Для св.

Петра Дамаскина богословие—это наиболее возвышенная из восьми ступеней духовного созерцания, эсхатологическая реальность будущего века, которая выводит нас за пределы нас самих в «восторженном экстазе». Как показывают эти три примера, богословие значило для отцов гораздо больше, чем для нас сегодня. Конечно, как и для нас, оно означало упорядоченное изложение христианского учения, с использованием силы человеческого разума; поскольку он есть дар Божий и им не должно пренебрегать. Но для них богословие означало также, что куда более важно, видение Бога во Святой Троице, видение, в которое вовлечен не только рассудок, но вся человеческая личность, включая интуитивное духовное понимание (*нус*) и сердце (*кардия*), в библейском и святоотеческом, а не в современном смысле этого слова. Иными словами богословие (*teologia*) есть не что иное, как созерцание (*теогия*). Оно предполагает живое общение с живым Богом и неразрывно связано с молитвой. Не существует истинного богословия, которое не было бы частью богослужения; всякое подлинное богословие является литургическим, доксологическим и мистическим. Святоотеческое понимание богословия замечательно резюмировано современным греческим богословом Христом Яннарасом: «В православной Церкви и в предании, богословие имеет совсем другое значение, чем то, которое ему придается сегодня. Это Божий дар, плод внутренней чистоты христианской духовной жизни. Богословие отождествляется с видением Бога, с непосредственным видением личного Бога, с личным опытом преображения творения нетварной благодатью». Таким образом, продолжает он, богословие—это не «теория мира или метафизическая система», а «выражение и формулировка церковного опыта... не интеллектуальная дисциплина, а опытное участие, общение». Здесь есть несколько ключевых слов, к которым мы в дальнейшем будем все время возвращаться: дар, благодать, личный опыт, участие, общение, внутренняя чистота, преображение, созерцание Бога. Если богословие означает все это, то мы вправе спросить: а такой ли это предмет, который можно было бы изучать в университетах и академиях? Можем ли мы проводить по нему экзамены, присуждать ученые степени и давать студентам дипломы, ставить оценки и выделять «первых», «вторых» и «третьих»? В любом случае ясно одно—если богословие и должно изучаться в университетах и академиях, то профессора и студенты должны все время помнить золотое правило св. Григория Богослова: мы должны богословствовать «по способу рыбаков, а не Аристотеля». Четыре признака богословия Хотя слово «богословие» и не встречается в Библии, есть много мест писания, в которых выражена природа богословия. Посмотрим некоторые из них: 1. «Бога не видел никто никогда; едиnorodный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин 1: 18) 2. «Ныне же, познавши Бога, или лучше, получивши познание от Бога...» (Гал 4: 9) 3. «Теперь мы видим как-бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор 13: 12) 4. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5: 8) 5. «Остановитесь и познайте, что Я Бог» (Пс 45: 11) Эти пять отрывков можно свести к четырем ключевым словам: Дар (*harisma*), Тайна (*misterion*), Очищение (*katarsis*), Безмолвие (*isihia*). Давайте рассмотрим их по порядку. (Последующим изложением я весьма обязан исследованию профессора Константина Скутериса «Значение понятий »богословие", «богословствовать» и «богослов» в учении греческих отцов и церковных писателей до Каппадокийцев".) 1. Дар Богословие—это дар от Бога, свободный и незаслуженный дар, дар благодати. Вполне обоснованно современник и друг св. Максима Исповедника, св. Фалассий Ливийский говорил о «желании из желаний, благодати богословия». Иными словами, богословие не просто наше человеческое проникновение в жизнь Бога, но скорее наш ответ на божественное откровение (Ин 1: 18). Не столько мы ищем и исследуем Бога, сколько Бог ищет и испытывает нас. Для светской учености человек выступает как познающий, но в богословии—он познан Богом (Гал 4: 9). Таким образом, богословие скорее основано на божественной инициативе, чем на человеческой: Бог никогда не бывает пассивным объектом знания, Он всегда активный субъект. То же самое можно сказать и по-другому: богословие есть мудрость—не школьное исследование и изучение, но премудрость. Но истинная премудрость—это всегда сам Христос, живая и личная истина, «Божия сила и Божия премудрость» (1 Кор 1: 24). Христос сам есть богословие: он

единственный подлинный богослов, а мы богословы лишь по дару, который получаем от него. Истинный богослов—это всегда «наученный Богом» (teodidaktos). Этот момент хорошо выразил Ориген. Богословие, говорит он, это «эманация», «истечение» и «сияние» от Бога. «Не в наших силах считаться достойными духовного ведения... Это Он, богословствуя, провозглашает истины о Боге своим истинным ученикам; а мы, идя по следам, которые они оставили в своих писаниях, обретаем исходную точку, с которой сами устремляемся в богословие». Подобным же образом Дидим Слепец называет богословие «силой», «славой» и «энергией» Бога. Это по меньшей мере означает, что богословие предполагает личную веру. Человеческий разум действительно нужен, если мы хотим богословствовать последовательно, но наш разум может быть применен плодотворно только внутри веры. Credo ut intelligam, провозгласил Ансельм Кентерберийский: «Верю, чтобы понимать»—а не иначе!² Тайна Св. Василий Великий и св. Григорий Богослов регулярно используют фразу «тайна богословия». И здесь необходимо вспомнить истинный богословский смысл слова «тайна». «Тайна»—это не просто нерешенная задача или хитрая головоломка, но нечто, что действительно открывается нашему пониманию, но никогда не открывается исчерпывающим образом, потому что уходит корнями в бесконечность Бога. Далее, богословие является тайной потому, что, как говорит св. Фалассий, «оно превосходит наш ум», пытаясь выразить в человеческих словах то, что лежит далеко за пределами всякого человеческого понимания. По словам протоиерея Иоанна Мейендорфа богословие есть «одновременно созерцание Бога и выражение Невыразимого». Или, как сказал Т.С. Элиот,—«набег на невысказываемое». «Всякое богословское утверждение,—замечает св. Василий,—ускользает от понимания говорящего... Наше понимание слабо, а язык наш еще более немощен». Согласно великим Каппадокийцам, если богословие забывает о неизбежных пределах человеческого понимания, заменяя невыразимое Слово Божие человеческой логикой, оно перестает быть тео-логией и опускается до уровня техно-логии. Вот почему наше богословие всегда выражается «как-бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор 13: 12). Мы вынуждены прибегать к антиномии и парадоксу, потому что распространяем человеческий язык за пределы его применимости. Чтобы охватить, хотя и не вполне адекватно, полноту божественной истины, нам приходится делать утверждения, которые, как кажется, противоречат друг другу. Не без причины кардинал Ньюмен описывает упражнение в богословии как «высказывания, взятые назад с плодотворным результатом». Поскольку область богословия в этом смысле есть божественная тайна, наш богословский дискурс должен одновременно быть и отрицающим и утверждающим, т. е. как апофатическим, так и катафатическим. Мы балансируем нашими утверждениями и отрицаниями, и эти отрицания дают нам возможность через молитву и служение достичь сияющего мрака Синая. Богословие, которое лишено апофатического измерения, превращается именно в «технологию», в каппадокийском смысле этого термина. Мы не должны смотреть на катафатический и апофатический подходы как на альтернативы, каждая из которых самодостаточна. Нет, они не исключают друг друга, но взаимозависимы,—не последовательны, но одновременны. Каждый из этих подходов предполагает другой, и невозможно подлинное богословие, которое не было бы одновременно катафатическим и апофатическим. Утверждение и отрицание—это части одного движения.³ Очищение Так как богословие—это созерцание Бога, а увидят Его чистые сердцем (Мф 5: 8), то подлинное богословие невозможно без очищения (katarsis). Хотя богословие всегда остается даром Божией благодати, этот свободный дар требует нашего полного содействия, добровольной синергии: «Мы соработники (sinergoi) у Бога» (1 Кор 3: 9). Все богословие в этом смысле «богочеловечно». Наше содействие состоит из нашего обращения, открытия наших сердец Божией любовью, из всецелого преображения нашей жизни через вхождение Духа Святого. Богословие есть всеобъемлющий «образ жизни». Не может быть никакого истинного богословия без личностного устремления к святости; подлинные богословы—это святые. По этой причине представляет очевидную опасность говорить о богословии, тео-логии, как о «науке», как если бы оно было подобно гео-логии или зоо-логии. Несомненно, даже в геологии или зоологии необходима личностная вовлеченность;

действительно, можно заметить, что всякий наблюдатель есть часть эксперимента. Но в геологии или зоологии обычно достаточно собирать объективные факты с максимальной точностью, а затем анализировать эти факты, используя интуицию и научную честность. Личная нравственность геолога или зоолога здесь несущественна. В богословии это уже не так. Оно охватывает всю человеческую личность и требует от каждого радикального преобразования. Конечно, богословие тоже «научно» в том смысле, что оно также нацелено на точность и интеллектуальную строгость. Хотя поведение многих христиан заставляет думать противоположным образом, мы не служим Царству Божию посредством неясности, туманного и ленивого мышления. Именно дьявол любит запутанность и неточность, в то время как проявления Духа Святого отмечены прежде всего ясностью и прозрачностью. Но в богословии точность и интеллектуальная строгость никогда не достаточны сами по себе. От нас еще требуется, и это важнее всего, личное общение с Богом и любовь к Нему. Евагрий Понтийский подчеркивает это, сравнивая богослова со св. евангелистом Иоанном на Тайной вечери: Грудь Господня—ведение Бога; кто возляжет на ней, будет богословом. Богословие включает в себя тесную близость, как у Возлюбленного ученика со Спасителем. А св. Максим Исповедник пишет даже более смело и выразительно: «мистическое богословие» предполагает «любовный экстаз» (*ertikos ekstasis*), выхождение из себя со всеобъемлющим желанием живого Бога. Без этого «экстаза» вы можете быть отличным геологом, но не богословом. Богословие без личного причастия—это только псевдо-богословие. Слова св. Диадоча: «Ничего нет скуднее ума, когда он без Бога берется философствовать о Боге»—это предупреждение, которое все мы, претендующие на то, чтобы обучать богословию или изучать его, должны принять всерьез! Путь очищения, на который призывается стать любой богослов, предполагает, в частности, следующие три вещи: 1. Началом является покаяние, *meta-noia*, изменение ума. Оно должно быть понято в том глубоком смысле, который придал ему митрополит Даниил Молдавский: «... не только пробуждение и изменение ума, но и кризис, который приводит к пере-ориентации личности или сообщества»—т. е. не меньше, чем радикальное изменение личности. Это покаяние одновременно является и началом, и тем, что продолжается всю нашу земную жизнь, не прекращаясь вплоть до последнего вздоха: подобно авве Сисою из «Речений отцов пустыни» мы тоже должны сказать на смертном одре «Не знаю, положил ли я хотя бы начало покаянию». 2. Очищение требует от нас аскезы (*askesis*), аскетического усилия в максимально широком смысле. Св. Григорий Богослов говорит: «Ты хочешь стать богословом?... Храни заповеди... Деяние есть основа для созерцания». Если мы собираемся богословствовать, говорит св. Григорий Нисский, наша жизнь должна соответствовать нашей вере: не существует «православия» (*ortodoxia*) без «праводелания» (*ortopraxia*). Эта аскеза, ведущая нас к отречению от нашего эгоистичного «я» и к смирению, не индивидуальна, а церковна, и предполагает жизнь в общине, основанную на таинствах Крещения и Евхаристии. Как выразил это Алексей Хомяков: «Никто один не спасается. Спасаящийся же спасается в Церкви, как член ее, и в единстве со всеми другими ее членами». 3. Наконец, не может быть никакого продвижения по пути богословского очищения без молитвы. Молитва и богословие связаны существенным образом. Вспоминая слова благоразумного разбойника на кресте: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое», св. Модест Иерусалимский (VII век) называет эти слова богословием; и существенно, что они одновременно и исповедание веры, и молитва. «Если истинно молишься, то ты богослов»—это выражение Евагрия должно удерживать христиан от высказываний типа: «я не богослов» (что они часто делают), потому что сказать так в действительности означает сказать: «Я не молюсь и не особенно этого хочу». Будучи частью молитвы и служения, истинное богословие всегда доксологично. Богословствовать, в том смысле, как понимали это отцы, значит славить Бога в хвалении и молитве, самим стать живым гимном хвалы к Богу. По словам Константина Скутериса, «целостная личность, проживающая таинство нового творения—наученная через »здравые догматы" и «очищенная»—становится непрекращающимся гимном и постоянной хвалой Богу". В этом смысле богословие, как отмечает св. Григорий Нисский, объединяет нас с ангелами, которые по преимуществу заняты

славословием. Богословие, по словам св. Диадوخа, «делает душу соучастницей ангелов в их служении». Если богословие включает в себя все это, то мы вправе спросить себя: Кто же среди нас имеет дерзновение начать богословствовать? Кто из нас осмелится назвать себя богословом? Св. Григорий Богослов конечно похвалил бы нас за нашу осторожность в этом отношении: Философствовать о Боге можно не всякому,—да, не всякому. Это приобретается не дешево и не пресмыкающимися по земле! Добавлю еще: можно философствовать не всегда, не перед всяким и не всего касаясь, но должно знать: когда, перед кем, и сколько. Философствовать о Боге можно не всем; потому что способны к сему люди испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают, и душу и тело. «Не всем... не перед всяким»: но тогда насколько современный университет, или даже современная семинария, являются подходящим местом, где можно обучать богословию и изучать его? Мой скромный опыт свидетельствует, что большинство университетов, а слишком часто и современных семинарий, не являются средоточием святости. Нас может, однако, вдохновить трехчастное различие, предложенное св. Григорием Паламой. Он говорит, во-первых, о святых, то есть о тех, которые имеют полный личностный опыт Богопознания. На второе место он помещает тех, которые хотя и не имеют такой полноты, но доверяют святым. И, наконец, есть те, которые не имеют ни опыта, ни доверия к святым. Первая группа, святые, это, по Паламе, истинные богословы. Вторая группа, те, кто доверяет святым, тоже могут быть хорошими богословами, хотя и на низшем, втором уровне. Третья же группа—это плохие богословы, или, говоря точнее, не богословы вовсе. Это то, что меня успокаивает. Я знаю, как далеко мне до святости, но я хотя бы могу пытаться быть богословом во втором смысле: Я могу доверять святым и могу искать свидетельств жизни и словам святых. Богословие на этом втором уровне возможно даже в современном светском университете: со школьной точностью мы можем передавать послание святых. Это именно то, что я пытаюсь делать в Оксфорде.

4. Безмолвие То, что было сказано о богословии и молитве, подводит нас к четвертой теме: не может быть богословия без исихии, без внутренней тишины, молчания сердца. «Остановитесь (sholasate) и познайте, что Я Бог» (Пс. 45: 11), богословие, как знание Бога,—не только разговоры о Боге, но слушание Его,—предполагает тишину, остановку (sholi), молчание (isihia). Продолжим цитату из св. Григория Богослова: «Когда же можно? Когда бываем свободны от внешней тины и мятежа, когда ум не сливается с негодными и блуждающими образами... Ибо действительно нужно остановиться, чтобы разуместь Бога.» Иными словами, истинное богословие—это мистическое богословие. Никто не выразил это лучше Владимира Лосского: Богословие и мистика отнюдь не противопологаются; напротив, они поддерживают и дополняют друг друга. Первое невозможно без второй: если мистический опыт есть личностное проявление общей веры, то богословие есть общее выражение того, что может быть опытно познано каждым... Итак, нет христианской мистики без богословия и, что существеннее, нет богословия без мистики. Не случайно предание Восточной Церкви сохранило наименование «Богослов» только за тремя духовными писателями: первый из них—св. Иоанн Богослов, наиболее «мистичный» из четырех евангелистов, второй—св. Григорий Богослов, автор созерцательных поэм, и третий—св. Симеон, называемый «Новым Богословом», воспевший соединение с Богом. Таким образом мистика рассматривается... как совершенство, как вершина всякого богословия, как богословие «преимущественное». Радостное удивление Нужно только добавить еще одну вещь. Дар, тайна, очищение, безмолвие—все это нужно, но равно существенна и радость. Мы должны посвящать себя богословию со страхом Божиим, но также, как настаивает св. Диадох, с радостью сердца. Нет оснований богослову быть суровым и угрюмым. В рассказе об обращении Киевской Руси, послы князя Владимира в богослужении разных народов, которых они посетили, не нашли именно радости. И то, что привело их к обращению в православие, было как раз радостное удивление во время Божественной литургии в Великой церкви св. Софии в Константинополе. Итак, как богословы, давайте сегодня возвращать это радостное удивление, и тогда мы обнаружим, что наше свидетельство приносит плоды, далеко превосходящие наше

Священник Георгий Кочетков: Православное богословское образование и современность

Христианское образование и воспитание

Ваши Высокопреосвященства, отцы, братья и сестры! Среди многих кризисов, которые сейчас переживает Православная церковь, таких как кризисы литургический и библейский, культурный и творческий, этический и эстетический, брачно-семейный и сексуальный, аскетический, догматический и мистический, канонический и педагогический, национальный и социальный, иерархический и приходской, философический и исторический, экуменический, миссионерский и катехизический, все болезненнее воспринимается кризис православного богословского образования как целостной и последовательно устроенной системы, способной отвечать требованиям современности и эту же современность устроить, отвечая на ее тяжкие и жгучие вопрошания.

Для многих этот кризис уже означает полную потерю всякого интереса к такому образованию и даже убеждение, что оно не только бесполезно, но и вредно, ибо развивает, а то и развращает лишь ум верующего человека, но ничего не дает для его души и сердца. «Молись, вот тебе и все богословие»,—так думают не одни обскуранты и невежды или нечестивцы-стяжатели в нашей церкви. «Образование нужно лишь для недалеких начетчиков и карьеристов, или может быть, еще людей вчерашнего дня, не находящих себя в современной жизни»,—таково убеждение не худших православных христиан.

В чем же здесь основная проблема и как ее можно решить? Постараемся хотя бы кратко ответить на этот вопрос, используя уже имеющийся опыт, в том числе опыт новых богословских школ, одну из которых мне приходится возглавлять. Специфика нашей Московской высшей православно-христианской школы, действующей с 1988 г., т. е. еще со времени полного подполья, в том, что начинать ей приходилось почти во всем с нуля и рассчитывать свою деятельность на всех—мужчин и женщин, молодых (но не моложе 21 года) и пожилых, людей разных способностей, профессий, культур и национальностей.

Таким образом, мы имеем опыт подготовки, что знаменательно, не одних только будущих священно- или церковнослужителей, как это делается в духовных семинариях и академиях, но и всех членов церкви, если только они прошли полный цикл взрослого (у нас годичного) оглашения как последовательного введения в полноту личной церковности. Мы убеждены, что богословие должно быть рассчитано на всех верующих—членов Церкви так же, как и сама взрослая катехизация, или работа со Священным писанием. Особенно это относится к большим городам, таким духовным «пустыням», как Москва, где так или иначе все люди взыскуют и жаждут, несмотря на свою немалую подготовку в системе светского образования.

Поэтому первой нашей задачей было построить богословскую школу так, чтобы избежать в ней бездуховности, т. е. излишней секулярности, светской холодности, объективации и утилитарности, как это обычно бывает в светских вузах, включая университеты и академии, так и недостаточности уровня подготовки, неестественной внешней и внутренней раздвоенности и оторванности от жизни и практики, закрытости и схоластической мертвости, как это обычно в духовных учебных заведениях, особенно стоящих на нетворческих позициях

так называемого «охранительного православия».

Второй нашей задачей было приобщить всех способных к обучению студентов к самостоятельной жизни в Церкви и личному в ней служению в полноте, для чего образование в Школе должно стать всесторонним и жизненным, целостным и последовательным. Поясним это.

На наш взгляд, всесторонность духовного образования предполагает подготовку в трех направлениях.

Во-первых, постижение православного богослужения, и значит, подготовка по Священному писанию (Ветхого и Нового заветов), по литургике, сакраментологии, гомилетике и катехетике. К этому же блоку предметов изучения могут быть присовокуплены те или иные вспомогательные дисциплины, например, библейские (древнееврейский и древнегреческий) и богослужебные (у нас до сих пор церковнославянский) языки, церковное пение, библейская археология, соответствующая часть каноники и т. д.

Во-вторых, всесторонность духовного образования предполагает подготовку, если можно так сказать, по богословию человека—по церковной антропологии. И значит, по этике и эстетике, аскетике и мистике. Сюда же могут относиться такие вспомогательные дисциплины, как стилистика, история литературы и искусства, история неправославных религиозных и мистических учений, патрология (отцы-аскеты), антропософия и т. д.

В-третьих, всесторонность богословского образования предполагает и подготовку по собственно богословию и церковной истории, и значит, по догматике и патрологии (отцы-догматисты), апологетике (теодицее), философии, включая логику, по хотя бы элементарной истории философии и, конечно, по русской религиозной философии XIX-XX веков, по экклезиологии и истории вселенской и русской церкви—от ее начала до XX века, по связанной с экклезиологией части каноники и т. д.

Конечно, параллельно необходимо изучать и новые языки, особенно английский, для чтения специальной литературы и, главное, международного общения.

Уровни работы по всем трем направлениям могут быть различными. Методология образовательного процесса сочетает классические методы (академический лекционный подход) в начале обучения, на первых трех курсах и более глубокие, свободные и разнообразные методы с экзистенциально-личностным подходом на старших, 4-5 курсах, и по возможности творческий подход при специализации и написании итоговой работы, на 6-м курсе.

Это предполагает различные внутренние ориентиры на разных ступенях последовательного и целостного обучения. На первых трех курсах акцент делается обычно на знакомстве с бесспорным в учении и практике Церкви, и значит, главным образом с основными источниками в полном объеме, чего, как правило, не хватает в духовных учебных заведениях. На 4-5 курсах необходимо идти далее, знакомясь со спорным, требующим самостоятельности суждений и выбора. Может быть, это уже не всем доступно, поэтому большинство может заканчивать свое обучение, ограничиваясь неполным высшим образованием, т. е. на третьем курсе. На 6-м курсе, при написании магистерской диссертации, требуется не просто специализация знаний, но и умение видеть, знать и, по возможности, творчески решать существующие в данной области проблемы. Конечно, еще в большей степени это же умение должно присутствовать при дальнейшей работе, например, над докторской диссертацией, что в нормальном случае должно требовать еще хотя бы трех лет самостоятельной работы под руководством специалиста. В то же время студент должен знать, что он может нормально

завершить обучение не только на третьем курсе, но и на пятом со званием, например, бакалавра богословия. Все должно ориентироваться на его внешние и внутренние возможности и способности, которые, естественно, связаны с качеством его духовной жизни.

Так всесторонность духовного образования связывается с его жизненностью. На наш взгляд, эта жизненность в первую очередь означает, что православное богословское образование должно стоять на твердом и действенном жизненном основании. Оно может быть сориентировано только на живых, пусть часто немощных и грешных, членов Церкви, что может выражаться разнообразно в разных личностных ситуациях, но во всяком нормальном случае предполагает регулярное, не реже одного-двух раз в месяц, причащение, по возможности от одной чаши, студентов и преподавателей, как и все другие вещи, связанные с понятием «практикующего» христианина.

Преподаватели и студенты вместе должны и трудиться в своей духовной общине (без отрыва от своих исконных евхаристических общин, в которые многим из них еще предстоит вернуться), обретать единый православный жизненный опыт на практике и в служениях, особенно миссионерско-катехизационных и общинных, или в диаконии и благотворительности.

Принципиальное значение для жизненности богословского образования имеет и то, что, как уже упоминалось нами, всякому богословскому обучению и образованию должно предшествовать церковное научение, т. е. полная взрослая, обычно начинающаяся с 20-21-летнего возраста и длящаяся хотя бы год, катехизация.

Наш опыт показывает, что между одной и другой ступенями духовной жизни человека желательна некоторая, хотя бы полугодовая или годовая, пауза, необходимая для того, чтобы человек смог после катехизации укрепиться и осмотреться во внешней и внутренней церковной и своей жизни и практически испробовать все, что было ему рекомендовано на катехизации. Это включает и богослужебную жизнь, и поиски духовных отцов и авторитетов, и навыки личной и семейной христианской жизни, и поиски своего круга общения в храме и вне его (кружка, общины) и т. д.

Далее, выходя за рамки опыта одной высшей школы, постараемся сделать некоторые обобщения, отвечая на вопрос, чем же должно быть современное православное богословское образование в целом.

Современное православное богословское образование обязательно должно быть открытым людям, обществу и их проблемам. Это означает не только сознательное противление закрытости как жизни не по вере (ибо степень открытости и измеряется сама вера), но и всякой хаотичности, беспределности (или, как говорят теперь иногда у нас на жаргоне, беспределу) и расхлябанности, а в конечном счете и безответственности, ибо, как известно, «где нет рамок, там нет и ответственности». Закрытое христианство способно поддерживать лишь охранительные тенденции.

Здесь большое значение имеет и отношение к внешним. Принцип открытости, относительно всякого рода внутреннего и внешнего сектантства, открывает дверь усвоению полноты Священного Писания и Предания в Церкви, делает прозрачным все их слои и уровни, в том числе исторические, устанавливает верную их иерархию. Он позволяет выявить, по выражению архиепископа Иоанна (Шаховского), «сектантство в православии и Православие в сектантстве». Он позволяет действовать смело и при этом вполне по-христиански, без фанатизма (т. е. веры без любви) в отношении неправославных и нехристиан, применяя также и к ним принцип дополнительности, т. е. делясь с ними своей верой и знаниями, а не побивая их ими, как дубинкой. «Не противься инакомыслящему»—это вариант евангельского «не

противься злону», но до такого сознания редко доходят в нынешних системах православного богословского образования. «Заграждать же уста» надо научиться по-евангельски, а не по-мирски, иначе неизбежно заражение сектантским духом.

Сектантский дух особенно опасен в системе богословского образования. Он прямо противостоит ему, рождая тяжелый, инерционный, кондовый, а то и мрачный дух начетничества и формализма, лишённого смысла и благодати. Современные примеры налицо. Достаточно вспомнить уровень и систему образования у наших полусектантов—"синодалов" ("карловчан") или старообрядцев всех толков.

Впрочем, к начетничеству в духовном образовании может привести и излишне светский его характер. Например, при работе главным образом по методу начитывания литературы во многих, особенно западноевропейских и американских, православных богословских школах.

Нам надо научиться лучше различать светское и духовное в системе богословского образования, хотя, как и вообще в церковной жизни, надо еще сделать дополнительное усилие по преодолению разрыва между одним и другим. Светское в известной мере может не только не противоречить духовному, но и укреплять и поддерживать его, если только мы не отождествляем светское с государственным, национальным, культурным или этическим началами жизни человека и общества. Светское прежде всего неформально охраняет личность (точнее, индивидуальность) и ее права, а также стоит на страже как духовно-нравственного закона в обществе, народе, государстве или культуре, так и чести и достоинства каждого человека.

Кроме принципов открытости и дополнительности, современное православное богословское образование, на наш взгляд, должно учитывать и все другие принципы христианской жизни, например, принцип возможного единства духа в многообразии форм его выражения на всех уровнях, даже догматическом или мистериальном и мистическом, а также общинном и приходском. Или принцип, говорящий о том, что этот дух первичен в отношении каких-либо форм его воплощения, что он сам творит их в себе, вследствие чего, действительно, в различных формах может содержаться один и тот же дух, хотя может быть и обратное, т. е. в одной и той же форме могут селиться разные духи.

Эти принципы позволяют преодолеть в душе человека страх перед какой-либо формой духовной жизни, страх, легко порождающий магический опыт и безличностный подход, который надо во всех случаях отвергать, особенно в аскетике и мистике, литургике и сакраментологии, а также в экклезиологии, где он порождает все формы «папизма». Только стремление человека и церкви к полноте жизни в Любви и Свободе способно решить эту нелегкую задачу.

Принцип первичности духа над формой и личностный подход к преподавателям и студентам позволяют в системе духовного образования освободиться и от всех других фобий-страхов, которые не от Бога, будь то просто душевный, психологический страх или страх духовный, дьявольский—иррациональный и темный, или физический страх дисциплинарного наказания. Ведь не секрет, что еще многие студенты и преподаватели, «взявшись за плуг, оборачиваются назад», принимая решения лишь из соображений типа «не смей, а то накажут». Да, везде, и в системе богословского образования, нужна дисциплина и умеренная строгость в наказании, но всегда в соответствии с христианскими жизненными принципами и без какой-либо жестокости и мести.

Что же еще нужно православному духовному образованию, чтобы оно стало современным?

Оно должно преодолеть свое отставание от современности, четко осознав специфику нашего исторического периода, нашей культуры и нашей цивилизации. Сейчас нам невозможно в полноте раскрыть эту тему, поэтому отметим лишь главное и бросающееся в глаза.

Во-первых, нельзя не видеть или забыть, что современность все более противоречива в себе. На наш взгляд, нельзя не признать и того, что она в своей культуре и цивилизации все более входит в противоречие с принципами христианской цивилизации, культуры и духовности. Однако для нас это не повод для уныния, ибо, как сказал русский поэт, «чем ночь темней, тем ярче звезды». Это можно отнести в первую очередь к только что завершившейся блестящей эпохе русского религиозно-философского возрождения конца XIX—конца XX веков. После смерти о. Александра Шмемана и о. Иоанна Мейендорфа остались лишь «последние из могикан», например, митрополит Сурожский Антоний и профессор Оливье Клеман, более принадлежащие уже какой-то новой, переходной ступени церковной истории и духовной культуры. Нам нужно подвести итоги этой эпохи и начать новый поиск в новых условиях. Это одна из главных задач всей системы современного православного богословского образования.

Далее, теперь же завершилась страшная переходная эпоха коммунизма, ознаменовавшая вхождение церкви в послеконстантиновский период своей истории. И время преступных и агрессивных коммунистических и тому подобных режимов, и полуторатысячелетний константиновский период «симфонии» церкви и государства ушли безвозвратно, но последствия их будут еще чувствоваться церковью века и века (если этим векам Богом будет суждено придти).

Здесь, как и во многих других случаях, касающихся современности, потребуются различение духов и суд, а значит, новое смирение и новое дерзновение. В начале послеконстантиновской и посткоммунистической эпохи потребуется от церкви сохранить все подлинно доброе, славное и вечное из прежнего духовного наследия, в том числе богословского, и мудро не держаться за ушедшее, даже если оно играло в прежние времена неплохую роль и сослужило церкви добрую службу, взять для примера хотя бы идею священной царской власти и христианского государства. В связи с этим церкви потребуется новое богословское осмысление соотношения временного и вечного как в православном богослужении, так и в церковных канонах, корпус которых почти целиком принадлежит константиновской эпохе, и во многих других отношениях.

Церкви потребуется также восстановить, возродить что-то из утраченного в процессе своей трудной истории. Как тут не вспомнить хотя бы потребности возрождения в церкви апостолата мирян, оглашения всех взрослых членов Церкви, чтобы стать им полными ее членами, регулярного участия всех членов евхаристической общины в Евхаристии и органического соединения с нею и Крещением всех остальных церковных таинств? Сюда же можно отнести потребность постепенного перехода церковного устройства от приходского к общинному и многое другое.

В этом контексте известный тезис о. Георгия Флоровского «вперед к отцам» должен быть уточнен и дополнен—через все божественное Откровение, т. е. Священное Писание Церкви, и весь опыт Богопознания Церкви, т. е. все ее Священное Предание. Иначе в жизни мы встречаемся с новым переворачиванием тезиса о. Георгия, и тогда люди идут не вперед, а по-прежнему назад, хотя и к «отцам». За примерами, думаю, в духовных школах разных направлений никому далеко ходить не надо.

Окончание коммунистической эпохи, как и вообще XX века, ставит перед православным богословием острую задачу учесть как явленные за это время дары Божии Своему миру, так и главные опасности и искушения от диавола, характерные для нашего века.

Вспомним, каковы же эти дары и опасности ?

На наш взгляд, они более всего проявляются, с одной стороны, в обращении церкви и общества к человеку как личности и его конкретным нуждам, к человеческому обществу в его структурированном целом и миру (космосу). Отсюда следует особое значение христианской космологии, социологии и антропологии и, в частности, мистики, диалога с соответствующими неправославными и нехристианскими учениями, в том числе учениями новых религиозных движений и сект.

Но с другой стороны, для нашего времени, как никогда, характерно усиленное недоверие людей друг к другу, равнодушие их не только в толпе, но и в церкви, где обращение «братья и сестры» становится все более номинальным и формальным. Произошло и происходит массовое поругание живой иконы Божией—человека, а также живой и неживой материи мира, породившее тяжелый экологический кризис. И это несмотря на особое значение в современном мире искусства и вообще культуры, в том числе столь утонченных искусств, как музыка или открытая в начале XX же века в России православная икона. Впрочем, и они к концу XX века пришли в упадок и заражены, за неимением творческого основания и своего стиля, стилизацией и почти одной «репродукцией».

Далее, с одной стороны, для церкви в XX веке характерно стремление актуализировать весь объем своего Предания и Писания (в том числе преданий и писаний), начиная как минимум с апостольского времени, чтобы помнить и знать не только свой «вчерашний» день, не только XVIII—XIX века, а отсюда—и стремление открыться сердцем в полную меру, осознав общность и значение единой католической традиции и соответствующего опыта во всем его многообразии, что привело к положительным результатам и известному экуменическому сближению большинства церквей католической традиции (кроме настроенных крайне сектантски).

С другой стороны, в наш век очевидно наступление духа мертвого тоталитаризма и механической унификации всех форм жизни, в том числе духовной и церковной, закрытости и фанатизма, конфессионализма и филетизма. «Красно-коричневая» опасность существует не только в области политики и социологии, она—реальная сила и в Православной церкви, готовящаяся взять реванш, если не сегодня, то завтра.

Собственно в сфере богословского образования эти процессы, в частности, привели к тому, что, с одной стороны, происходит синтез новых предметов на стыке прежних с учетом новых исторических знаний о их динамике, в результате чего возникли библейское и литургическое богословие, церковная археология, катехетика, евхаристическая экклезиология и т.д.

Но с другой стороны, явен разрыв между уровнями богословского образования, когда нередко преподаваемое с конфессионально-охранительных позиций и по инерции на начальных и простонародных ступенях входит в существенное противоречие с преподаваемым в академиях, высших богословских школах и институтах, особенно «под занавес», в «последний день», до которого доходят фактически единицы. Следствием этого являются отставание православного образования от своего же мирового уровня и раздирающие противоречия в душах и умах людей, получивших это образование и пришедших с его результатами в живую церковную среду и на церковное служение. Это грозит новыми расколами в церкви.

Среди даров Божиих Своей Церкви в XX веке нельзя не назвать и новый опыт исповедничества и мученичества, как и новый подвиг церковных богословов, ученых и историков. В связи с этим нельзя снова и снова не упомянуть об особом значении великого дара Русской Церкви вселенскому Православию—новомучеников и исповедников российских и великих деятелей

русского религиозно-философского возрождения. И то, и другое должно быть прямо соотнесено с современным богословским образованием.

Как естественное следствие этого уникального опыта, а также того, что агрессия зла против Церкви в XX веке разорвала ряд важнейших церковных традиций, крайне обострив проблему внутренней и внешней миссии и полной катехизации как детей, так, в первую очередь, и взрослых, возник и еще формируется в нашей церкви совершенно новый миссионерский и катехизический опыт, требующий внимания и обобщения в системе православных богословских школ, ибо этот опыт способен вводить современных людей в церковную традицию, начиная буквально с нуля. Специфика этого опыта в очень большой степени объясняется этими разрывами, а также тем, что Церкви ныне почти везде приходится жить в послеконстантиновскую эпоху своей истории, надеясь только на свои внутренние силы.

Возник и возникает новый литургический опыт, причем не только под влиянием новых форм литургической православной практики, обусловленных изменениями внешней и внутренней жизни, но и под явным влиянием достижений литургики, церковной археологии и литургического богословия, в связи с чем нельзя и здесь умолчать о корифеях последнего времени, так много потрудившихся на поприще православной миссии и богословского образования,—об отцах Александре Шмемане и Иоанне Мейендорфе и о таких церковных деятелях, как патриарх Антиохийский Игнатий, патриарх Грузинский Илия или архиепископ Финляндский Павел.

Плоды литургического движения в Православной церкви показывают столь большую общность пути обновления церковной жизни, что можно уверенно сказать только одно: «Бог не оставил и не оставляет народ Свой!» Все могут свидетельствовать, что этот путь открывается лишь с позиций соучастия всего народа Божьего в служении, в том числе сакраментальном, каждого на свое место, по данному ему лично дару Духа Святого, что позволяет расширить наш взгляд на церковность и церковные служения и функции, также как и на роль всякой власти, любой иерархии и старшинства в Церкви.

Все это позволяет преодолеть серьезную для церкви опасность дальнейшей объективации и секуляризации, отрыва церковных служений и служителей от евхаристической общины, разрыва между духовным знанием и реальной жизнью церкви и человеческой личности, между духовным даром и саном в ней или между словом и делом в нравственной сфере и т. д. Все это предполагает новое стремление церкви и каждого в ней к полноте жизни, к общности, экзистенциальной целостности и единству.

Для этого в сфере богословского образования надо много еще потрудиться, чтобы без суеты и внешней заинтересованности или тенденциозности пересмотреть, переоценить и тем самым как бы перевести на современный язык все наше великое церковное наследие. Надо научиться церкви говорить на открытом современности языке, не забывая внутри себя и своих старых языков—языка Священного писания и святых отцов, как аскетов, так и догматистов, языка проповеди и молитвы, в том числе богослужения. Конечно, это не должно звучать для нас как декларация внутренней приверженности только к старому и неподвижному. Это не значит, также, что нельзя перевести богослужения на современный язык или что надо отказаться от литургического творчества. Нет, мы должны просто сохранять прозрачность друг для друга всего подлинного, всех веков и всех сторон жизни Церкви, открытых современности.

С новой энергией, обогащенные новым опытом и дарами свыше, мы должны устремиться к «единству духа в союзе мира». Мы должны заново продумать и единство христианского богословского образования со всею современной жизнью, с жизнью церковной, внешней и внутренней, с жизнью студентов и преподавателей, с литургической жизнью, общинной и

семейной жизнью и т. д. Для этого сама система православного богословского образования должна стать единым современным комплексом. Например, при нашей Московской высшей православно-христианской школе, кроме ее самой, уже более 15 лет существуют годичное Огласительное училище для взрослых и второй год двухгодичные Богословские курсы. Училище и курсы имеют и заочные отделения. Нами организовано также шесть детских учреждений—детский сад, воскресная школа, молодежная группа, группы скаутов, лицей и гимназия. При системе православного образования организована регулярная благотворительная деятельность и диакония. Конечно, есть своя библиотека и звуко студия, свой журнал и информационный листок, иконописная мастерская, два братства и т. д.

Как обычно, эта работа тесно связана и с соответственно устроенным храмом, в котором совершаются соответствующие богослужения и который, став миссионерско-общинным, имеет свои особенности. Эти особенности отчасти просто восстанавливают прежде вытесненные элементы, а отчасти предполагают новые акценты в рамках ныне существующей традиции. В таком храме естественно стремление к полному соучастию всех в богослужении, а поэтому—и к максимально возможно полному пониманию всего в нем происходящего: к ясности богослужебного языка и пения, к чтению вслух и на своем месте священнических молитв, особенно на Евхаристии, к обязательной проповеди сразу после каждого чтения Писания, к чтению его лицом к народу, к отверстию царских врат и невысокому иконостасу, к прекращению практики бессмысленного нагромождения в храме икон, к воссоединению по возможности всех таинств воедино видимым образом, выходу оглашаемых с них, общему пению, выделению места для детей и устройству сидений в храме и т. д.

Все это требует дополнительного богословско-литургического и канонического осмысления. При этом бесспорно, что в современных условиях церковной жизни катехизация, хотя бы отчасти, должна вернуться в храмы. Храмы должны стать центрами просвещения народа, его сердец и ума, всей его жизни. Кроме того, богословское образование, как и миссия, и оглашение, должно вернуться к епископам, в том числе и лично. При каждой епископской кафедре, по нашему убеждению, должна быть своя, хотя бы небольшая, богословская школа. При каждом большом приходе—воскресная и катехизационная школа. Должны быть и более централизованные, гибкие по формам и срокам обучения, курсы, в том числе для повышения образовательно-богословского и общего духовного уровня священства и церковных работников, типа курсов при Ново-Валаамском монастыре в Финляндии. Вообще, на наш взгляд, многие монастыри и их подворья—прекрасная база для образовательно-просветительской и благотворительной деятельности церкви.

Конечно, Церковь не должна подменяться системой богословского образования. Конечно, духовные учебные заведения, как бы хороши они ни были, не должны решать богословские и другие вопросы вместо Церкви. Но они могут давать экспертные оценки, давать консультации и предлагать лучшие варианты для исправления той или иной церковной практики, даже богослужебной, в том числе языковой.

В церкви еще предстоит преодолеть некоторые ложные упования не только на новые вселенские соборы, но и просто на «специалистов», на главенствующую роль «объективных» кабинетных исследований и тому подобное.

Да, было бы хорошо, чтобы голос духовных учебных заведений звучал более компетентно, самостоятельно и громко и чтобы все проблемы современности быстро исследовались в них. А горящих проблем множество, будь то проблемы абортов или контрацепции, брака мирян или клириков, женского священства, гомосексуализма или самоубийств, отношений с инославными христианами и нехристианами, церковных чинов, поминовений, церковного календаря и лекционария, педагогики и психологии, компьютеров и их использования для работы с

Библией, аудио- и видеотехники и ее применения в системе катехизации, церковного образования и воспитания, в том числе заочной, проблемы профессиональной деятельности, например, бизнесменов или тех же программистов и многое другое. Но будем помнить, что к этому голосу христианского образования еще должны присоединиться многие голоса в церкви, чтобы зазвучал подлинно церковный хор, сливаясь в единый голос Церкви, проявляющий в мире сем волю и правду Божию, дающий «мир и радость в Духе Святом» каждому взыскующему Царства Божьего Небесного, т. е. ищущему Божией Истины, Любви и Свободы.

Церковь по своему призванию от Господа—"свет мира" и «соль земли». Только чтобы это всегда в ней сбывалось, ей нужно научиться не раздваиваться, не приспособливаться к этому миру, а идти за Агнцем Христом, «куда бы Он ни пошел». Определять и корректировать именно этот путь—современная задача также и православного богословского образования

Сергей Фудель: «Отцу». «Будет время, - и я замолчу»

Поэзия

Имя Сергея Иосифовича Фуделя хорошо известно многим православным москвичам. В 70-е годы написанные им книги «Наследство Достоевского», «Начало познания Церкви», «У стен Церкви», размышления о «пути отцов» и другие ходили по рукам в самиздатском варианте, вселяя в души радость и надежду. Вскоре выйдет двухтомник сочинений С.И. Фуделя. В его «Воспоминаниях об отце», известном московском священнике Иосифе Фуделе*, есть стихи, которые мы публикуем с разрешения сына Сергея Иосифовича—Николая Сергеевича. Стихотворение «Отцу» полностью печатается впервые. Остается только добавить, что «Явенга»—не просто название далекого таежного поселка, а одно из мест заключения, в котором Сергей Иосифович провел в общей сложности более 20 лет. А.М. Копировский

Отцу

Когда капель весны покажет, Что начался Великий Пост, Ты на божественную стражу Шел сердцем тих, душою прост. И не сказать теперь словами, Как жизнь была с тобой тепла, Когда в Четверг Страстной над нами Свой счет вели колокола. * В нашем журнале печатался «Дневник священника пересыльной тюрьмы» о. Иосифа Фуделя (см. «Православна община», № 3, 4 за 1991 г.)

Ты перешел на новоселье, И разбрелись мы кто куда. Теперь огонь горит по кельям, Который общим был тогда. Но иногда мы слышим сами, От твоего приняв тепла, Что каждой ночью там, над нами, Свой счет ведут колокола. апрель 1933 г. Явенга

*** Будет время,—и я замолчу. И стихи мои будут ненужны. Я зажгу золотую свечу, Начиная полночную службу. Будет ночь как всегда велика. Будет сердце по-прежнему биться. Только тверже откроет рука За страницей другую страницу. И, начавши последний канон, Я открою окно над полями И услышу, как где-то над нами Начинается утренний звон. 1939 г.